

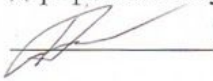
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

Факультет иностранных языков
Кафедра английской филологии

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филол. наук, доц.

К. Б. Свойкин

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

**МЕХАНИЗМЫ КОГЕЗИИ И КОГЕРЕНТНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ
НАУЧНОМ ТЕКСТЕ**

Автор бакалаврской работы

А. М. Астайкина

Обозначение бакалаврской работы БР-02069964-45.03.02-03-20

Направление 45.03.02 Лингвистика

Руководитель работы

канд. филол. наук, доц.

И. В. Коровина

Нормоконтролер

ассистент

О. А. Трemasкина

Саранск
2020

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
МОРДОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. П. ОГАРЁВА»

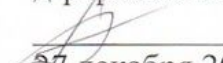
Факультет иностранных языков

Кафедра английской филологии

УТВЕРЖДАЮ

Зав. кафедрой

д-р филол. наук, доц.

 К. Б. Свойкин

27 декабря 2019 г.

ЗАДАНИЕ НА ВЫПУСКНУЮ КВАЛИФИКАЦИОННУЮ РАБОТУ

(в форме бакалаврской работы)

Студент Астайкина Александра Михайловна

1 Тема Механизмы когезии и когерентности в англоязычном научном тексте

Утверждена приказом № 10119-с от 27.12.2019 г.

2 Срок представления работы к защите _____

3 Исходные данные для научного исследования: работы отечественных и зарубежных лингвистов по теме исследования, научные статьи на английском языке филологической, лингвистической и лингводидактической тематики

4 Содержание выпускной квалификационной работы

4.1 Когезия и когерентность как основные механизмы текстопостроения

4.2 Анализ функционирования механизмов когезии и когерентности в англоязычном тексте научного стиля

Руководитель работы

27.12.2019 И. В. Коровина

Задание принял к исполнению

27.12.2019 А. М. Астайкина

РЕФЕРАТ

Бакалаврская работа содержит 64 страницы, 2 диаграммы, 1 рисунок, 61 использованный источник.

ТЕОРИЯ ТЕКСТА, КАТЕГОРИИ ТЕКСТА, СВЯЗНОСТЬ, ЦЕЛОСТНОСТЬ, КОГЕЗИЯ, КОГЕРЕНТНОСТЬ, ИНТЕГРАТИВНОСТЬ, ЗАВЕРШЕННОСТЬ, МЕХАНИЗМЫ КОГЕЗИИ, МЕХАНИЗМЫ КОГЕРЕНТНОСТИ, НАУЧНЫЙ ТЕКСТ.

Объектом исследования являются когезия и когерентность как основные категории текста.

Цель работы – изучение особенностей функционирования отдельных механизмов когезии и когерентности в англоязычном научном тексте.

В результате проведенного исследования были выявлены наиболее частотные случаи проявления когезии и когерентности в англоязычном научном тексте, а также описаны ранее подробно не изученные механизмы и некоторые особенности когезии и когерентности.

Область применения – научных статей или в рамках курса по практике иноязычной письменной речи на английском языке. Результаты данного исследования будут полезны для молодых исследователей не-носителей английского языка, которые стремятся повысить уровень своих научных работ посредством их публикации в зарубежных изданиях.

Эффективность – данное исследование способствует развитию научно-исследовательской деятельности и ее выходе на международный уровень посредством описания, систематизации и классификации способов написания связного научного текста.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 Когезия и когерентность как основные категории теории текста	9
1.1 Понятие текста в лингвистике. Основные признаки текстуальности	9
1.2 Понятие когезии как одного из основных условий текстуальности. Основные механизмы когезии	13
1.3 Понятие когерентности и ее проявление в тексте	24
1.4 Оппозиция «когезия – когерентность»	27
2 Анализ функционирования механизмов когезии и когерентности в англоязычном тексте научного стиля	31
2.1 Механизмы когезии в англоязычном научном тексте	31
2.1.1 Лексические средства когезии в англоязычном научном тексте	32
2.1.2 Синтаксические механизмы когезии в англоязычном научном тексте	42
2.1.3 Графические механизмы когезии в англоязычном научном тексте	45
2.2 Механизмы когерентности в англоязычном научном тексте	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	69
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ	71

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобализации и развития межкультурного взаимодействия возрастает значимость лингвистики и, в частности, одного из её разделов – теории текста, которая активно применяется в методике для обучения написанию текстов различных стилей и жанров на иностранном языке. Одной из основных характеристик, отличающих текст от не-текста, является связность его элементов. Принцип связности текста, его организация в семантическое целое реализуется при помощи когезии и когерентности – одних из ключевых категорий теории текста.

Понятие текста в лингвистике подразумевает любое целостное, устное или письменное, высказывание вне зависимости от его объема. Именно представление о целостности позволяет отличить текст от простого набора не связанных друг с другом предложений и отдельных фраз, что наталкивает на мысль о существовании определенных объективных факторов, встречающихся только в целостных высказываниях. Текст можно понимать как семантическое единство, исключительная важность которого заключается не в самой его форме, а в смысловом значении «закодированной» в предложениях информации. Отсюда можно вывести понятие «текстуальности» как совокупности признаков семантической и синтаксической целостности текста. Исследования в области лингвистики текста в целом и феномена когезии в частности позволяют выявить механизмы возникновения явления текстуальности и определенные критерии связности текста.

Актуальность данной работы заключается в развитии научно-исследовательской деятельности и ее выходе на международный уровень, то есть публикациях научных работ в зарубежных изданиях. В связи с этим многие русскоязычные исследователи сталкиваются с необходимостью построения цельного связного научного текста на английском языке.

Объектом исследования являются непосредственно когезия и когерентность как основные категории текста.

Предметом исследования являются конкретные механизмы когезии и когерентности, способствующие реализации связности текста в англоязычном научном тексте.

Цель данного исследования заключается в изучении особенностей функционирования отдельных механизмов когезии и когерентности в англоязычном научном тексте.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- 1) изучение теоретических основ лингвистики текста в целом и категорий когезии и когерентности в частности;
- 2) ознакомление с основными классификациями механизмов когезии и когерентности;
- 3) разработка определенной схемы анализа текста на наличие тех или иных механизмов когезии и когерентности;
- 4) рассмотрение функционирования основных механизмов когезии и когерентности в научном тексте на примере англоязычных научных статей;
- 5) нахождение и описание новых механизмов когезии и когерентности, свойственных англоязычному научному тексту;
- 6) систематизация и описание основных закономерностей функционирования механизмов когезии и когерентности в научном тексте на английском языке.

Характер решаемых задач обусловил выбор основных **методов исследования**, таких как: анализ научного текста, описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, метод сплошной выборки.

Материалом исследования послужили статьи из англоязычных научных журналов филологической, лингвистической и лингводидактической направленностей.

Методолого-теоретической базой исследования послужили работы таких отечественных исследователей, как И. Р. Гальперин [11], Ю. Н. Земская [23], Н. С. Валгина [8], Н. С. Болотнова [7], В. А. Лукин [18, 19], А. А. Ворожбитова [10], В. Е. Чернявская [24], Ю. А. Левицкий [16], Ю. М. Лотман [17], а также труды зарубежных ученых: М. Хэллдея [27, 28, 29], Р. Богранда [25, 26], В. Дресслера [26], Э. Косериу [15] и Я. Петефи [31].

Теоретическая значимость исследования заключается в актуализации более детальных теоретических исследований в области построения научного текста, в частности касаясь феноменов когезии и когерентности. В результате исследования был дополнен опыт предыдущих исследований механизмов когезии и когерентности в контексте научного стиля речи.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при написании научных текстов на английском языке. Результаты данного исследования будут полезны для молодых исследователей не-носителей английского языка, которые стремятся повысить уровень своих научных работ посредством их публикации в зарубежных изданиях. Помимо этого, результаты данного исследования могут быть использованы в качестве методолого-теоретической базы при обучении написанию научных статей на английском языке или в рамках курса по практике иноязычной письменной речи.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что впервые рассматриваются и подробно систематизируются основные закономерности функционирования когезии и когерентности в рамках научного текста, а также описываются новые, ранее не изученные механизмы когезии и когерентности.

Структура данной бакалаврской работы включает в себя введение, две главы, заключение, список использованных источников, который включает 31 наименование, и список источников-примеров, который включает 30 наименований. В первой главе рассмотрены теоретические основы функционирования когезии и когерентности в тексте с опорой на исследования отечественных и зарубежных ученых. Вторая глава представляет собой описание проведенного практического исследования – анализа англоязычных научных статей на предмет функционирования механизмов когезии и когерентности.

1 Когезия и когерентность как основные категории теории текста

1.1 Понятие текста в лингвистике. Основные признаки текстуальности

Текст как объект лингвистического исследования является сложной и многогранной структурой и в зависимости от теоретического и методологического подхода к изучению по-разному определяется лингвистами. Рассмотрим несколько точек зрения на этот феномен.

Немецкий ученый-лингвист Э. Косериу рассматривает текст в рамках функционального подхода к лингвистике, подчеркивая ситуативность как один из основных признаков текста [15]. По мнению ученого, «текст – устный или письменный – представляет собой речевой акт или ряд связанных речевых актов, осуществляемых индивидом в определенной ситуации» [15, с. 515]. Обусловленность высказывания определенной коммуникативной ситуацией отмечает и венгерский ученый Я. Петефи [31]. «Продуцент или реципиент/интерпретатор считает вербальный объект текстом – отмечает Я. Петефи, – если он уверен, что этот вербальный объект представляет собой связную и завершенную целостность, воплощающую действительную или предполагаемую коммуникативную интенцию в реальной или предполагаемой коммуникативной ситуации» [31, с. 266]. Помимо ситуативности высказывания, автор также обращает внимание на такие свойства, присущие тексту, как завершенность и целостность.

В свою очередь, австралийский лингвист М. Хэллидей определяет текст как основную единицу семантики, которую нельзя определить как своего рода сверхпредложение. «Текст – это актуализация потенциального» [27, с. 86–101]. Поддерживая мысль М. Хэллидея, ученый А. Греймас подчеркивает, что текст – это единство, которое имеет свойство расщепляться на отдельные

высказывания, но при этом не является их суммой, результатом их сцепления [30, с. 56]. Подобной точки зрения придерживается и П. Гиро: ученый рассматривает текст как «структуру, замкнутое организованное целое, в рамках которого знаки образуют определенную систему отношений» [12]. Можно утверждать, что в данных подходах к изучению ученые рассматривают отношения между компонентами текста и вытекающее из их взаимосвязи парадоксальное свойство текста, которое заключается в том, что законченное высказывание не является суммой составляющих его предложений.

Взаимосвязь отдельных компонентов текста также подробно рассмотрена в работах отечественных ученых И. Р. Гальперина и Н. С. Болотновой. Так, И. Р. Гальперин трактует понятие текста как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, состоящее из ряда высказываний, объединённых разными типами лексической, грамматической и логической связи, имеющее определённый моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанное» [11, с. 18]. В своих работах российский лингвист Н. С. Болотнова во многом опирается на исследование И. Р. Гальперина. Ученая подчеркивает коммуникативную ориентированность текста описывает данный феномен как «концептуально обусловленный продукт реализации языковой системы в рамках определенной сферы общения, имеющий информативно-смысловую и прагматическую сущность» [7]. Согласно исследованиям Н. С. Болотновой, к основным признакам текста можно отнести информативность, регулятивность, структурность высказывания, а также интегративность, связность и цельность текста.

Исследователи стремятся в своих дефинициях как можно более полно выразить общие параметры текста, основные характерные черты этого феномена. Исходя из вышеприведенных определений, основными характеристиками текста можно назвать наличие определенной структуры,

организованность, связь отдельных компонентов текста, их объединение в единое целое.

Одним из ключевых понятий лингвистики текста является текстуальность как совокупность критериев, отличающих текст от не-текста. Учеными Р. де Бограндом и В. Дресслером был разработан набор определенных признаков текста, так называемых параметров текстуальности [26, с. 212]. К этим параметрам относятся:

- 1) когезия,
- 2) когерентность,
- 3) интенциональность,
- 4) приемлемость (восприимчивость),
- 5) ситуативность,
- 6) интертекстуальность,
- 7) информативность.

Интенциональность подразумевает намерение автора построить связное высказывание в соответствии с определенной целью коммуникации. Р. Богранд и В. Дресслер относят этот параметр к психологическим категориям наравне с параметром приемлемости [26]. Приемлемость подразумевает субъективное восприятие высказывания реципиентом, уместность языковых средств, выбранных автором для достижения цели коммуникации.

К социальным параметрам текстуальности оба ученых относят интертекстуальность и информативность. Ситуативность показывает, насколько тот или иной текст релевантен и актуален в рамках конкретной коммуникативной ситуации. Интертекстуальность, в свою очередь, подразумевает лексическую, грамматическую, стилистическую и смысловую соотнесенность конкретного текста с другими текстами.

В качестве содержательного параметра текстуальности Р. де Богранд и В. Дресслер выделяют информативность [26]. Под информативностью в данном

контексте понимается ожидаемость или неожиданность, новизна информации высказывания согласно восприятию реципиента. Наконец, такие критерии, как когезия и когерентность, являются собственно текстовыми параметрами и определяют связность и целостность текста. Данные термины были введены Р. де Бограндом и В. Дресслером [26] и были впоследствии изучены многими лингвистами. В трудах некоторых ученых когезия и когерентность получили название основных категорий текста, отличающих текст от не-текста.

Наиболее ярко две данные категории текста проявляются в текстах научного стиля: в научном тексте отсутствуют объекты реального мира, он не ситуативен, полон абстрактных понятий и оперирует только лексическими и грамматическими средствами. Основными признаками научной коммуникации являются научная тематика как определенный круг вопросов, исследуемых в рамках той или иной дисциплины; точное определение и конкретизация изучаемых понятий; стремление к абстракции, теоретическому обобщению полученного в ходе исследования опыта; логичность и доказательность изложения; объективный, последовательный и сжатый характер изложения; насыщенность текста фактической информацией. [16, 17] Учитывая данные признаки научного стиля, можно утверждать, что для построения научного текста существуют достаточно жесткие требования касательно его организации в единое целое посредством когезии и когерентности.

Таким образом, связность и целостность высказывания – когезия и когерентность соответственно – признаются всеми исследователями как ключевые признаки текста, в частности научного, а в работах некоторых исследователей даже приобретают статус категорий текста. Рассмотрим данные категории текста подробнее.

1.2 Понятие когезии как одного из основных условий текстуальности.

Основные механизмы когезии

Общепринятого термина понятия «когезия» не существует, его трактовка полностью зависит от к изучению текста. Так, М. Хэллидей дает следующее определение когезии: «Когезия – это набор значимых отношений, который является общим для всех текстов, который различает текст от «не-текста» и который служит средством обнаружения взаимозависимости удержания отдельных отрезков. Когезия не выявляет, что сообщает текст, она выявляет, как текст организован в семантическое целое» [27, с. 4]. Данная дефиниция обращает внимание на определенные взаимодействия компонентов текста.

Подобного подхода придерживается и Н.С. Болотнова. По мнению ученой, связность представляет собой «основной признак текста, заключающийся в межзнаковом взаимодействии, основанном на связи элементов текста, определяющем целостность речевого сообщения и обусловленном авторским замыслом и особенностями языковой системы, стоящей за текстом» [7, с. 147]. Российский лингвист Н.С. Валгина в свою очередь определяет этот феномен как структурную связность высказывания, обеспечивающую формальную зависимость отдельных компонентов текста [7].

Наиболее детальное определение понятия когезии дано И. Р. Гальпериним. По мнению Гальперина, «когезия – это особые виды связи, обеспечивающие континуум, т.е. логическую последовательность, (темпоральную и/или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр» [11, с. 74]. Textoобразующие категории рассматриваются им как признак и свойство письменного текста, так как «... именно отсутствие того, к кому обращается речь, вызвала к жизни основные грамматические категории текста» [11, с. 16]. В данном определении автор

подчеркивает результат функционирования когезии – континуум, временное и пространственное единство высказывания. В свою очередь, российский лингвист Ю. Н. Земская трактует когезию как «средство обеспечения единства текста, выраженные в повторении определенных языковых единиц» [23, с. 98]. В данной дефиниции автор обращает внимание на один из наиболее распространенных механизмов когезии – повтор.

Проанализировав приведенные выше подходы к пониманию когезии, сформулируем более обобщенное определение термина, на которое мы будем опираться в дальнейшем исследовании. Итак, под когезией можно понимать определенные средства связи, необходимые для поддержания целостности и последовательности высказывания, его синтаксического и семантического единства.

Феномен когезии представляет собой достаточно широкую область для исследования и изучается многими лингвистами в рамках теории текста. В результате подобных исследований были разработаны детальные классификации конкретных средств связи, которые мы рассмотрим далее для более полного понимания явления когезии.

Одна из наиболее полных классификаций средств когезии разработана отечественным ученым И.Р. Гальпериным. Он выделяет несколько групп средств связи:

- 1) Традиционно-грамматическая когезия;
- 2) Логическая (в т.ч. графическая) когезия;
- 3) Лексическая когезия;
- 4) Ритмико-образующая когезия;
- 5) Ассоциативная когезия;
- 6) Образная когезия;
- 7) Композиционно-структурная когезия [11].

Рассмотрим каждую из категорий подробнее. Традиционно-грамматические средства когезии включают союзы, предлоги, местоимения, причастные обороты, некоторые союзные сочетания и конструкции: *в связи с этим, так же как и, поскольку, так как, вот почему, однако* и пр. [11, с. 78]. С их помощью осуществляется сцепление в единое целое как отдельных предложений, так и более крупных отрезков текста, например, его абзацев и сверхфразовых единств.

Логические средства когезии включают в себя пространственные и временные коннекторы, зачастую выраженные наречиями, такими как *вскоре, несколько дней/лет/месяцев спустя, когда, после того как, как только, перед тем как, неподалеку, напротив, вблизи, рядом, мимо* и др, а также некоторые способы перечисления (*во-первых, во-вторых*). Исходя из примеров, мы можем видеть, что данные коннекторы сочетают в себе одновременно лексические и грамматические средства связи. Однако автор выделяет вышеуказанные средства связи в отдельную категорию, так как они укладываются в основные логико-философские понятия, такие как последовательность временных, пространственных, причинно-следственных отношений [11, с. 78]. К одной из подгрупп логических средств когезии можно отнести графические средства, которые подразумевают разбиение одного предложения на разные абзацы, нумерованный список, буквенные обозначения.

Следующая категория средств когезии – лексическая. Лексическая когезия наиболее частотна и включает в себя лексические повторы, в частности контактные (смежные, близкие повторы) и дистантные, которые могут быть выражены при помощи однокоренных или производных слов, синонимических рядов, перефразирования.

Более узким типом когезии можно назвать когезию ритмико-образующую когезия – этот подтип когезии наиболее часто встречается в поэзии и включает в себя различные схемы рифмовки, обеспечивающими сцепление между

отдельными строками и строфами, а также ритм, размер, темп и паузацию. Данные механизмы позволяют создать определенный ритмический рисунок поэтического произведения, который обеспечивает его единство.

Ассоциативная когезия отличается от всех вышеперечисленных механизмов тем, что апеллирует не к логике, а к более абстрактному мышлению, способному обнаружить проявление связности в подтексте; подобный подход делает ассоциативную когезию менее уловимой в процессе понимания высказывания. По словам И. Р. Гальперина, для выделения ассоциативных форм связи «необходимо некоторое творческое переосмысление понятий и связей между ними» [11, с. 80]. Ассоциативная когезия реализуется, как правило, в художественной литературе при помощи различных тропов, она зачастую основана на нюансах коннотативного значения слов и выражений, уподоблении, аллюзиях, что добавляет высказыванию выразительности и экспрессивности. В качестве наиболее яркого примера такой формы когезии можно привести произведение ирландского писателя Дж. Джойса «Улисс», что включает в себя большое количество аллюзий с Гомеровской Одиссеей.

Смежным с ассоциативной когезией является понятие образной связности текста, также выделяемой И. Р. Гальпериным. По его мнению, это «такие формы связи, которые, перекликаясь с ассоциативными, возбуждают представления о чувственно воспринимаемых объектах действительности» [11, с. 81]. Образность высказывания достигается путем отражения абстрактных понятий в конкретных предметах и явлениях действительности и встречается преимущественно в текстах художественной направленности. Одной из наиболее значимых форм проявления такого типа когезии можно считать развернутую метафору.

Наконец, последним из типов проявления принципа связности в тексте И. Р. Гальперин выделяет композиционно-структурную форму когезии. Ее особенность заключается в том, что основная линия повествования может

прерываться разнообразными вставками, дополнениями, отступлениями, включая прием временного и пространственного «нарушения» описания явлений, не имеющих непосредственного отношения к основной линии событий сюжета.

Более лаконичная классификация средств когезии разработана Н. С. Болотновой. Она включает в себя четыре широких категории:

- 1) Лексические средства когезии (в частности повтор однокорневых слов, синонимов, антонимов, омонимов, паронимов, слов, связанных родовидовыми, а также тематическими, ассоциативными, ситуативными отношениями; слов, принадлежащих к одной лексико-семантической группе);
- 2) Грамматические средства когезии (такие как, например, видовременные формы глаголов, единство грамматических форм лица, наклонения; использование союзов и союзных сочетаний; местоимения, порядок слов, синтаксический параллелизм и построение однотипных по структуре предложений и т.д.);
- 3) Звуковые (фонетические) средства, такие как интонация, звукопись (в т.ч. ассонанс – повторение однотипных гласных – и аллитерация – повторение однотипных согласных);
- 4) Стилистические средства [7].

Помимо этого, автор выделяет в отдельную категорию синтаксические средства межфразовой связи. К ним Н. С. Болотнова относит цепную связь (последовательные повторы), параллельную связь (параллелизм конструкций) и порядок слов как средство связи (на примере инверсии) [7].

В свою очередь, классификация типов когезии Ю. Н. Земской базируется на понятии уровней языковой системы [23]. Так, автор выделяет фонетическую, морфемную, морфологическую (или грамматическую), лексическую и синтаксическую типы когезии. [23, с. 96–106]. Наиболее типичным средством

когезии, согласно исследованиям Ю. Н. Земской, можно считать повтор как средство лексической когезии, в частности такие его разновидности, как анафора, эпифора, эпанафора, синтаксический параллелизм и хиазм [23]. Анафора представляет собой повтор определенных лексических единиц в начале словосочетаний и предложений:

The only thing I want is to stay here. The only thing I need is to escape [1 – пример сконструирован автором].

Явление эпифоры заключается в повторении лексических единиц в конце словосочетаний или предложений:

I am exactly the man to be placed in a superior position, in such a case as that. I am above the rest of mankind, in such a case as that. I can act with philosophy, in such a case as that. [Ch. Dickens “Bleak House”].

Особенность эпанафоры заключается в повторе начальных и конечных лексических единиц словосочетания или целого предложения:

В мире горы есть и долины есть, в мире хоры есть и низины есть, в мире моря есть и лавины есть, в мире боги есть и богини есть. [М. И. Цветаева «Федра»].

Наконец, стилистический прием хиазма заключается в повторении части словосочетания или предложения в обратном порядке, с использованием инверсии:

His tum rose up and down sat she [1 – пример сконструирован автором].

Помимо формального проявления повтора в тексте, Ю. Н. Земская обращает внимание на семантическое тождество лексических единиц и выделяет синонимический, антонимический, гипонимический, омонимический и паронимический повторы, перифраз, ассоциативный повтор [23].

Для более полного понимания феномена когезии ознакомимся с точкой зрения других исследователей в данном вопросе. Так, российский лингвист Н. С. Валгина подразделяет средства когезии на более широкие подгруппы и

выделяет локальные и глобальные подтипы связности [8]. Под локальной когезией Н.С. Валгина понимает межфразовые связи, которые могут быть представлено вводными и местоименными словами, видо-временными формами глаголов, лексическими повторами, синтаксическим параллелизмом конструкций, порядком слов, союзами и т.д. [8]. Глобальная же когезия представляет собой совокупность ключевых слов, тематически и концептуально объединяющих текст в единое целое. В данном аспекте понятие глобальной когезии во многом перекликается с феноменом когерентности.

Помимо вышеназванных подтипов связности, лингвист выделяет также и другие механизмы когезии:

- 1) Эксплицитные средства когезии (связь выражена конкретными лексическими средствами);
- 2) Имплицитные (связь обозначена логико-интонационными средствами);
- 3) Левосторонние (понятие предшествует сигналу связи; аналогично анафорической референции);
- 4) Правосторонние (ссылка на референт предшествует самому упоминанию референта в тексте; аналогично явлению катафоры);
- 5) Синтаксический параллелизм (использование одинаковых моделей предложения, порядка слов, видо-временных форм глаголов и т.д.) [8].

Общей чертой вышеописанных классификаций было выделение довольно широких подгрупп средств когезии в тексте. Характерным отличием классификации средств когезии М. Хэллидея и Р. Хасан является выделение не подгрупп механизмов когезии, а шести основных механизмов, таких как референция, субституция, эллипсис, конъюнкция и лексическая когезия [27]. Рассмотрим подробнее каждое из этих понятий.

Референция представляет собой соотнесение знака с объектами внеязыковой действительности в процессе коммуникации. Можно выделить указательную, личную и сравнительную референцию [27, с. 31–84].

М. Хэллидей и Р. Хасан в своей монографии рассмотрели два ее типа – анафорическую и катафорическую [27]. В первом случае референция проявляется в замене уже указанного выше по тексту референта, или же так называемого антецедента, на местоимение либо другое эквивалентное в данном контексте понятие. Катафора же предполагает, что ссылка на референт предшествует самому его упоминанию ниже по тексту.

Wash and core six cooking apples. Put them into a fireproof dish [11].

В данном случае местоимение *them* является анафорой по отношению к словосочетанию *six cooking apples* и является связующим звеном между двумя предложениями.

Термин «катафора», в противоположность термину «анафора», по мнению М. Хэллидея обуславливает отношение двух, как правило, смежных понятий и обеспечивает перспекцию высказывания [27, с. 28].

Следующий механизм – субституция – представляет собой замену слова другим, имеющим более широкое значение:

«Он любит кошек, у него штук десять сытых зверей и зверят» [11].

В данном случае субституция проявляется в замене слова «кошки» с достаточно узким значением словом «звери». Согласно мнению М. Хэллидея, субституция также может предполагать замену слова местоимением [27, с. 88].

Феномен эллипсиса же в монографии М. Хэллидея и Р. Хасан описан как опущение некоторых слов, понятных по контексту [27, с. 142]:

«Как называется эта станция метро?» – «Киевская». [1 – пример сконструирован автором].

Конъюнкция же проявляется, как правило, в традиционно-грамматических средствах связи, таких как союзы, слова-связки, союзные слова и прочие коннекторы, которые могут быть выражены как отдельными словами, так и словосочетаниями.

Наконец, лексические средства связи лингвисты М. Хэллидей и Р. Хасан подразделяют на два типа, такие как коллокация и повтор лексических единиц [27, с. 274]. Коллокация в понимании австралийских лингвистов представляет собой синтаксически и семантически целостную лексическую единицу, представленную словосочетанием. Второй же тип подразумевает использование синонимов и антонимов одного и того же слова. В независимости от типа связи, когезия достигается выбором лексических единиц, необходимых для смыслового сцепления текста воедино.

На вышеописанную классификацию опираются многие российские и зарубежные лингвисты в своих исследованиях в области лингвистики текста. Так, российский ученый Ю. А. Левицкий, основываясь на трудах М. Хэллидея и Р. Хасан, рассматривает всего три наиболее значимых, на его взгляд, средства когезии: эллипсис, замещение и повтор [16]. Автор рассматривает когезию на таких отрезках текста, как отдельные предложения и их компоненты, и его классификация формальных типов связи основана на примере сложносочиненных предложений.

По степени распространенности, согласно мнению лингвиста, лидирует повтор, в частности самое простое его проявление – прямой повтор, то есть неоднократное употребление одного и того же слова. Одним из способов повтора Ю. А. Левицкий называет употребление слова, входящего в одну грамматическую (однокоренного слова) или лексическую (синонимов, антонимов и пр.) парадигму с референтом [16]. В процессе повтора могут использоваться также и синтагматические замены из двух слов, связывающих два компонента сложносочиненного предложения.

Приемы замещения и эллипсиса автор рассматривает как более узкие разновидности повтора. Отличительная черта приема замещения заключается в анафорическом употреблении одного из компонентов сложносочиненного предложения (исходное слово-референт дублируется при помощи

слова-заместителя). В качестве анафор чаще всего употребляются местоимения и некоторые обобщающие слова и словосочетания. Феномен эллипсиса Ю. А. Левицкий описывает как «нулевой повтор», объясняя этим опущение одного из компонентов сложносочиненного предложения, понятного из контекста [16].

Помимо вышеописанных приемов, автор выносит в отдельную категорию симметричные и асимметричные средства связи. К первой категории Ю. А. Левицкий причисляет чередование парных элементов в компонентах сложносочиненных предложений, в то время как асимметричное свойство связи между частями сложносочиненного предложения, по мнению Ю. А. Левицкого, должно быть представлено каким-либо обобщающим элементом [16].

В отдельную категорию, обеспечивающую связность высказывания, хотелось бы вынести явление дейксиса, также подробно рассмотренное в работах Ю.А. Левицкого [16]. Согласно определению А. А. Кибрика, «Дейксис — это использование языковых выражений и других знаков, которые могут быть интерпретированы только при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта — его участникам, месту и времени» [14, с. 208]. Категория дейксиса осуществляется в тексте с помощью определенных дейктических элементов – языковых единиц, осуществляющих референцию к определенным явлениям и объектам действительности не посредством номинации, а через элементы контекста.

Наиболее распространенными дейктическими элементами являются местоимения, которые выполняют в тексте функцию указания на референт и его замещение. Ю. А. Левицкий относит к дейктическим элементам местоимения (личные, притяжательные, указательные), артикли, некоторые глаголы, наречия (*раньше/позднее, здесь/там, туда/сюда* и др.) и предложно-падежные формы [16].

Несмотря на разнообразие подходов, можно вывести несколько закономерностей, общих для всех рассмотренных исследований. Прежде всего

хотелось бы отметить, что лингвисты Р. Хасан, М. Хэллидей и Ю. А. Левицкий уделяют больше внимания непосредственно организации текста в более узком, грамматическом смысле [27; 16]. Исследование чаще затрагивает проблему реализации связи в рамках одного предложения или между отдельными предложениями. Только подход к исследованию отечественного лингвиста И. Р. Гальперина имеет принципиальное отличие – автор уделяет большее внимание рассмотрению когезии и ее типов на достаточно крупных отрезках высказывания, в рамках целостного текста, а его классификация основана на тщательном рассмотрении компонентов, сцепленных в том или ином виде на уровне грамматики, лексики, синтаксиса и структуры высказывания в целом [11]. Кроме того, И. Р. Гальперин достаточно подробно освещает проблему лексического, стилистического и ассоциативного проявления связности в тексте, что в трудах других ученых затрагивается поверхностно, либо не рассматривается совсем [11].

Суммируя приведенные выше точки зрения на явление когезии, еще раз отметим, что данная категория текста представляет собой определенные средства связи, обеспечивающие континуум, последовательность высказывания, его синтаксическую и семантическую целостность. Наиболее ярко феномен когезии проявляется в научном тексте ввиду строгих требований к его лексической, грамматической и содержательной организации в единое последовательное целое. На данный момент не существует общепринятой классификации средств когезии, выделение отдельных подгрупп или конкретных средств связи зависит от подхода к изучению феномена когезии. Однако, несмотря на разнообразие точек зрения, и российские, и зарубежные ученые признают лексические средства (в частности, явления повтора, эллипсиса и замещения) наиболее распространенными.

1.3 Понятие когерентности и ее проявление в тексте

Когерентность понимается учеными как основное конструктивное свойство текста, обеспечивающее его тематическое, концептуальное и модальное единство. Понятие когерентности часто отождествляется с понятием целостности высказывания и является многогранным феноменом, который каждый исследователь трактует по-своему в зависимости от подхода к исследованию.

В «Стилистическом энциклопедическом словаре» [22, с. 609–610] целостность текста освещена в контексте герменевтики, семиотики, психолингвистики, функциональной стилистики:

- 1) «как свойство текста, соотносимое с целесообразным содержательно-функциональным единством, не определяемое лингвистически (А. Леонтьев); это механизм, приводящий в действие речевые сигналы единства текста (Л. В. Сахарный)...»;
- 2) как «целостность восприятия текста, осознание отношений «части – целого» («герменевтический круг» по Г. П. Щедровицкому)...»;
- 3) «как осознание синтеза смысла на разных уровнях понимания текста...»;
- 4) «как интегрирующая текстовая категория, т.е. структурно-смысловое понятие...»;
- 5) по мнению М. П. Котюровой «Источником смысловой цельности является экстралингвистический фактор, обуславливающий многоплановую структуру текста» [22, с. 609].

К. М. Накорякова справедливо отмечает, что «целостность текста обеспечивается смысловой нитью, которая проходит через весь текст». Целостность текста как литературного единства не соотносится непосредственно с лингвистическими единицами и имеет

психолингвистическую структуру. Она достигается единством замысла и точностью построения текста, целостностью образного осмысления материала, ясностью логического развертывания мысли, стилистическим единством текста» [20, с. 15]. В данном определении автор подчеркивает психолингвистическую природу категории целостности текста.

Синонимичный подход к исследованию когерентности описан в работах Н. С. Болотновой [7]. В своих трудах по лингвистическому анализу текста, Н. С. Болотнова также опирается на психо- и экстралингвистическую природу целостности высказывания и его содержательную ценность. Так, лингвист интерпретирует понятие когерентности как «качество текста, позволяющее адресат приобщиться к его целевой программе, авторской интенции, мотиву, организующим текст как системно-структурное образование» [7, с. 146].

Несколько иную точку зрения на явление когерентности находим у В.Е. Чернявской [24]. По мнению ученой, категория когерентности представляет собой «глубинную содержательно-смысловую связность текста, которая не обязательно эксплицируется («материализуется») в поверхностном тексте посредством конкретных языковых единиц». Автор считает данную категорию рецептивно-ориентированной, относящейся к психолингвистике, и отмечает ее связь с признаком информативности текста, что позволяет говорить о семантически ориентированном подходе в построении высказываний.

Отечественный лингвист Н. С. Валгина придерживается похожей точки зрения и трактует когерентность как смысловую, содержательную целостность высказывания, единство его микротем, макротем и темы всего речевого произведения в целом. При этом автор подчеркивает важность ключевых слов (синонимизации, повторной номинации) для обеспечения тематического единства высказывания. Ключевые слова выстраивают имплицитные ситуативные связи между сверхфразовыми единствами и фрагментами высказывания; они «создают вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая

в него другие слова, ситуативно связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого». [8, с. 47]

Принципиально новая мысль касательно феномена когерентности выражена в работах В. А. Лукина. Лингвист описывает когерентность как основное конструктивное свойство текста, заключающееся в его семантической неаддитивности [18, с. 41]. Суть данного подхода к изучению когерентности заключается в том, что цельный завершённый текст, по мнению лингвиста, всегда больше суммы составляющих его языковых элементов.

В отличие от лингвистов, чьи исследования упомянуты выше, И. Р. Гальперин совсем не рассматривает явление когерентности, но разбирает более узкие ее категории. Так, например, автор выделяет интеграцию, модальность и завершённость как средства, через которые реализуется целостность текста [11]. Под интеграцией лингвист понимает связанность частей в единое целое и процесс, обеспечивающий эту связность. Феноменом интеграции, по мнению автора, представляет собой в первую очередь смысловую связность текста, которая может осуществляться как средствами когезии, так и другими пресуппозитивными и ассоциативными средствами. Интеграция реализуется в текста с помощью конкретных средств, к которым И. Р. Гальперин относит некоторые обороты (*таким образом, в свете изложенного, как уже было описано выше и т.д.*), а также систему ключевых слов текста [11, с. 124–135]. Целостность в понимании лингвиста также тесно взаимосвязана с категорией завершённости, что заключается в определенном порядке развертывания информации в высказывании [11].

Подобным образом, термин когерентности не употребляется и в работах Ю.Н. Земской, однако, отождествляя исследования российского лингвиста с работами других ученых можно утверждать, что Ю. Н. Земская рассматривает два конкретных средства обеспечения целостности (т.е. два механизма когерентности): проспекцию и ретроспекцию [23, с. 100–103]. По мнению

автора, именно два этих явления обеспечивают смысловую целостность текста, апеллируя к способности нашей памяти связывать ранее упомянутую информацию с последующими данными. Проспекция в данном случае подразумевает отсылку к тому, что будет сказано далее, ретроспекция же отсылает к вышеупомянутой информации. Данные категории также описаны в работах Н. С. Болотновой как средства обеспечения целостности высказывания [7].

Анализируя приведенные выше подходы к изучению когерентности, сформулируем наиболее общее ее определение. Когерентность представляет собой смысловую, содержательную целостность текста, функционируя на крупных отрезках текста. Ввиду абстрактности понятия и во многом его психолингвистической природы, классификация конкретных механизмов когерентности отсутствует. Однако, некоторые авторы выделяют употребление ключевых слов, проспекцию и ретроспекцию как конкретные проявления когерентности в тексте.

1.4 Оппозиция «когезия – когерентность»

Существует несколько точек зрения на особенности явлений когезии и когерентности. Оппозиция «когезия – когерентность» – это оппозиция взаимосвязи компонентов поверхностной структуры (грамматико-синтаксических, лексических, графических и т.д.) и глубинно-смыслового уровня (семантико-когнитивная связность).

По мнению Н. С. Валгиной, когезия проявляется через внешние структурные показатели, формальные связи элементов высказывания, в то время как когерентность подразумевает концептуальное, тематическое и модальное единство текста. Соответственно, понятие когезии можно соотнести

со структурной организацией текста, а понятие когерентности – с его содержательной, коммуникативной организацией.

Подобное отличие двух данных категорий текста выделяет и В. Е. Чернявская [24]. На основе проведенных исследований ученая утверждает, что зарубежными лингвистами четко разграничены два аспекта связности: когезия как инструмент структурной организации текста и когерентность как семантико-когнитивное явление, обеспечивающее целостность высказывания. Автор также подчеркивает, что когерентность «реконструируется реципиентом», в то время как когезия имеет формальное проявление в тексте посредством конкретных языковых единиц [24].

Прямая зависимость явления когерентности и восприятия реципиента находит отражение и в работах В. А. Лукина [18, 19]. В своих исследованиях структуры художественного текста лингвист выстраивает категории когезии и когерентности иерархично по отношению друг к другу. Автор интерпретирует когезию как повтор звуков, грамматических форм, индексальных знаков, имен собственных и т.п., который, как правило, «лежит «ниже» порога восприятия, то есть рядовой читатель не останавливает на них свое внимание. Оно направлено на то, ради чего создается текст – на передаваемую им информацию. Вследствие этого содержание (цельность) усваивается как бы «поверх» связности» [19, с. 81].

Ю. М. Лотман несколько иначе подходит к пониманию целостности текста. Ученая утверждает, что целостное высказывание строится по двум осям – синтагматической и парадигматической [17]. В первом случае компоненты текста образуют грамматически и семантически последовательные цепочки. Суть парадигматического принципа организации текста состоит в выборке из множества элементов один, употребляемый в данном контексте. Парадигматика здесь подразумевает эквивалентность элементов текста и его смысловую целостность. По мнению Гальперина, когезия реализуется скорее в

синтагматическом плане, а интеграция как средство обеспечения когерентности – это явление парадигматическое.

Таким образом, можно понимать когерентность как содержательную связность текста, которая функционирует на крупных отрезках текста, отвечая за его содержательную и тематическую организацию, в то время как когезия чаще всего проявляется в пределах отдельных предложений и сверхфразовых единств и обеспечивается формальными средствами. Учитывая данные характеристики явлений когезии и когерентности, можно утверждать, что когезия полностью относится к сфере исследования лингвистики, в то время как когерентность можно назвать объектом исследования и лингвистики, и психолингвистики.

Основными признаками текста являются категории интенциональности, приемлемости, ситуативности, интертекстуальности, когезии и когерентности, обеспечивающие последовательность, связность и целостность высказывания.

Когезия обеспечивает синтаксическую и семантическую целостность текста посредством определенных средств связи. Общепринятая классификация механизмов когезии отсутствует, выделение тех или иных механизмов различается у каждого ученого в зависимости от подхода к исследованию. Наиболее распространенными средствами когезии принято считать лексические, в частности повтор, замещение и эллипсис.

Когерентность отвечает за тематическую и содержательную целостность текста, во многом являясь абстрактной категорией. Классификация механизмов когерентности отсутствует, однако, некоторые авторы выделяют систему ключевых слов, проспекцию и ретроспекцию как конкретные проявления когерентности в высказывании.

Суть оппозиции «когезия – когерентность» заключается в том, что когезия обеспечивается посредством формальных средств связи, являясь

собственно-текстовой категорией текста, в то время как когерентность скорее представляет собой содержательно-когнитивный феномен.

Наиболее ярко категории когезии и когерентности проявляются в научном тексте ввиду строгих требований к его последовательной организации в единое целое.

2 Анализ функционирования механизмов когезии и когерентности в англоязычном тексте научного стиля

Написание научного текста подразумевает следование определенным лексическим, синтаксическим и грамматическим паттернам, обеспечивающим информативность, связность и целостность текста. Основными задачами данного исследования является рассмотрение основных закономерностей построения научного текста, в частности анализ когезии и когерентности как одних из основных категорий текста.

Собрав необходимый теоретический материал, мы провели практическое исследование в целях выявления закономерностей функционирования отдельных механизмов когезии и когерентности в научном тексте. В ходе данного исследования методом сплошной выборки был проведен анализ и сравнение 30 научных статей на английском языке лингвистической, филологической и лингводидактической направленности. В результате проведенного исследования были выявлены наиболее частотные случаи проявления когезии и когерентности в англоязычном научном тексте, а также описаны ранее подробно не изученные механизмы и некоторые особенности когезии и когерентности.

2.1 Механизмы когезии в англоязычном научном тексте

Перейдем к более подробному описанию результатов исследования. Одним из важнейших задач исследования являлось нахождение частотности отдельных механизмов когезии. В ходе исследования были рассмотрены лексические, синтаксические и графические механизмы, обеспечивающие

связность. Результаты анализ текста 30 научных статей методом сплошной выборки представлены в виде процентного соотношения на Диаграмме 2.1.

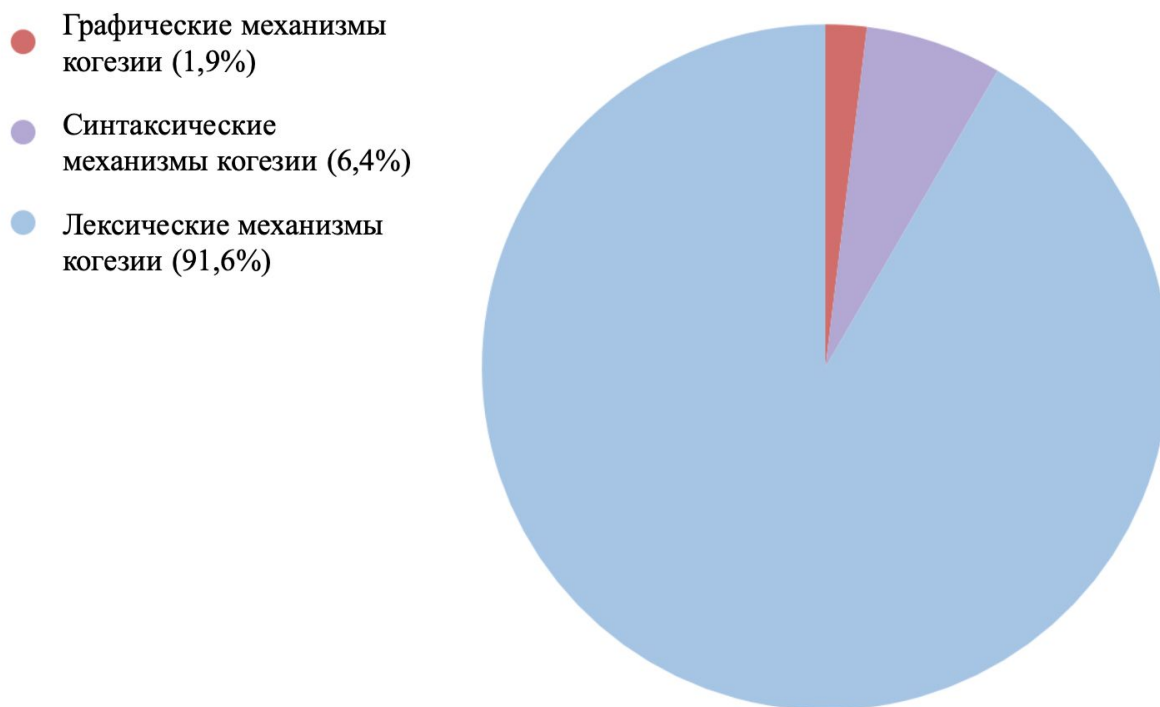

Диаграмма 2.1

Данная диаграмма наглядно демонстрирует наибольшую распространенность лексических механизмов когезии, в то время как синтаксические и графические средства когезии встречаются значительно реже. В последующих разделах рассмотрим подробнее механизмы каждой из данных подгрупп.

2.1.1 Лексические средства когезии в англоязычном научном тексте

Наиболее частотные механизмы когезии – лексические – включают в себя лексический повтор (контактный и дистантный), конъюнкцию, анафорическую и катафорическую референцию и субституцию. Диаграмма, приведенная ниже, иллюстрирует полученную статистику частотности каждого из названных лексических средств когезии.

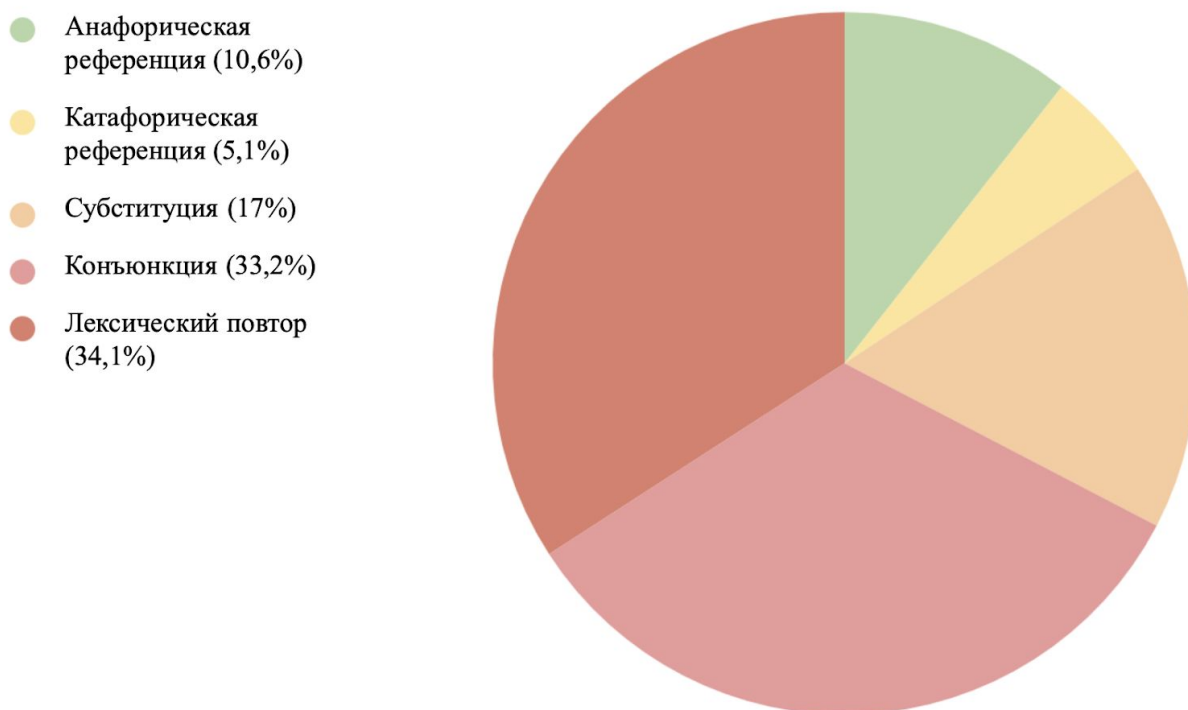

Диаграмма 2.1.1

Согласно Диаграмме 2.1.1, основанном на результатах исследования англоязычных научных статей, наиболее частотным механизмом когезии можно назвать лексический повтор. Проще всего пронаблюдать частотность этого механизма на примере контактных лексических повторов как средств связи в рамках отдельных предложений:

(1) *In my view all meaning-making, including linguistic meaning-making, necessarily simultaneously makes three kinds of meaning: **Presentational**, **Orientalional**, and **Organizational** (Lemke, 1989c, 1995). [...] In short, **Presentational** meanings are those that tell something about the world, about a state of affairs or relationship, and which construe in words the doings and beings we wish to present to a listener's or reader's attention [51].*

В данном случае первое предложение вводит новую информацию о нескольких видах значения лексических единиц (*Presentational, Orientalional, and Organizational*). Лексический повтор слова *presentational* в следующем

предложении служит контактным средством связи, а также обеспечивает линейность высказывания: данный лексический повтор означает, что упомянутые ранее три вида значения лексических единиц будут подробно рассмотрены по порядку.

Дистантный повтор, в свою очередь, является не менее важным механизмом – именно он отвечает за формирование системы ключевых слов текста, которая многими учеными признается как основной способ обеспечения когерентности высказывания. Явление дистантного повтора будет подробно рассмотрено в разделе 2.2.

Следующим по частотности использования в тексте механизмом когезии является конъюнкция – как в наиболее простом ее проявлении (в виде союзов и союзных сочетаний), так и выраженная прочими логическими коннекторами (наречиями, вводными конструкциями и т.д.). В первом случае конъюнкция обеспечивает связь между отдельными членами предложения или его частями:

(2) *These include factually based popular literacies such as television documentary as well as science fiction* [56].

Более сложная форма конъюнкции, выраженная логическими коннекторами, чаще всего служит как средство связи между отдельными предложениями (3) или даже абзацами (4).

(3) *Brown and Yule (1983:7) point out that the spoken language is mainly characterised by short, usually fragmentary utterances, a great deal of repetition, the use of non-specific references, and the absence of conceptual density. Similarly, Bygate (1987:16) states that “oral language tends to be more ‘spread out’ and less dense than written language”* [44].

(4) *To investigate whether electronically-mediated communication has already started to affect business interpersonal written communication, it is necessary to analyse those changes as reflected in the language and style used in commercial e-mails.*

It would be also worth considering whether we are witnessing the emergence of a new kind of discourse. The answers to these questions will have significance for the teaching of written communication in ESP [44].

В примере (3) логический коннектор, выраженный наречием *similarly*, служит как контактное средство связи двух предложений. Данный логический коннектор выполняет функцию перечисления сходных идей, понятий и точек зрения, обеспечивая смысловой континуум высказывания.

Пример (4) иллюстрирует использование вводной конструкции как механизма когезии, связывающего два абзаца. Первый абзац представляет собой завершённую мысль о влиянии имейлов на бизнес-коммуникацию, семантически целостное сверхфразовое единство, а вводная конструкция *It would be also worth considering* вводит новую идею о значимости имейлов, отражая новую характеристику данного средства коммуникации. Так, два абзаца объединены семантически (с помощью общей макротемы – характеристик имейлов) и формально (с помощью конъюнкции, выраженной вводной конструкцией).

Таким образом, на основании оппозиции двух способов обеспечения конъюнкции в тексте – посредством союзов и союзных слов или с помощью вводных конструкций и логических коннекторов – можно выделить простую и сложную (неявную) подтипы конъюнкции. Простая конъюнкция, как правило, служит средством связи слов в предложении или частей сложного предложения, в то время как сложная конъюнкция отвечает за связь отдельных предложений и более крупных сверхфразовых единиц, например, абзацев.

Третьим по частотности механизмом когезии, согласно проведенному исследованию, можно считать прием референции. Принято выделять две разновидности данного механизма – анафорическую и катафорическую референцию. Анафора как средство связи между предшествующей информацией и референтом встречается значительно чаще, отсылая читателя к

ранее упомянутым фактам. Анафора может быть выражена дейктическими элементами (например, указательными местоимениями), отсылающими читателя к информации, приведенной в каком-либо из предшествующих предложений (5); иной способ выражения анафоры – эксплицитный, апеллирующий к семантической общности повествования и информации, упомянутой дистантно, например, в предыдущих абзацах, главах или разделах (6):

(5) *The resulting “multi-literacies” co-ordinate meaning-making activity across multiple media, modalities, semiotic systems, and hybrid genres of communication and representation. After outlining theoretical issues and useful methodologies for analyzing **such** complex multi-literacy practices, and describing in some detail a number of representative examples, the article considers the implications of **these** literacy demands for curriculum design, pedagogy, assessment, and research [51].*

(6) *As a way of summarising **the arguments presented in the previous sections**, 40 letters and 40 randomly selected email messages (out of the already quoted 63 business emails) were analysed following the basic characteristics of both written and spoken discourse presented in Fig [44].*

В первом предложении примера (5) упоминается понятие *multi-literacies*, функцию анафорической референции к которому выполняет определяющее слово *such* и указательное местоимение *these*. Важно отметить, что обе анафоры в данном примере употребляются не изолированно, а в совокупности с другими средствами. Так, словосочетание *such complex multi-literacy practices* сочетает в себе анафору (*such*) и лексический повтор единицы *multi-literacy*. В случае с анафорой *these* в словосочетании *these literacy demands*, анафорическая референция дополняется замещением референта *multi-literacies* на однокоренное прилагательное *literacy*.

Пример (6) иллюстрирует случай использования анафоры, отсылающей читателя к информации, представленной не в предыдущих предложениях (как в примере (5)), а в предыдущих разделах. Можно говорить о существовании двух подтипов анафорической референции – один из них апеллирует к только что упомянутой информации, как в примере (5), другой подтип подразумевает отсылку к референтам, расположенным на больших расстояниях от непосредственно анафоры (пример (6)). Таким образом, по аналогии с классификацией лексических повторов на контактные и дистантные повторы, выделим контактный (5) и дистантный (6) подтипы анафорической референции соответственно. Дистантная анафора будет подробнее описана в пункте 2.2 в рамках рассмотрения феномена когерентности.

Подобным образом можно выделить контактную (7) и дистантную (8) форму катафорической референции, отсылающей читателя к информации ниже по тексту:

(7) *However, the differences outlined in Fig. 1 seem to support the **idea** that email and telexes have evolved from different sources and thus are composed of features that belong to different discourses [44].*

(8) ***This section will examine examples from 63 business email messages to try and find out if the features found in personal and academic e-mail communication mentioned above are also present in commercial electronic mail [44].***

Предложение (7) является ярким примером контактной катафоры. Референция в данном случае выражена с помощью лексической единицы *idea* с нейтральным широким значением, чья семантика уточняется и детализируется в придаточной части предложения (*email and telexes have evolved from different sources*). Отметим, что рассмотренный случай катафоры также функционирует в тексте совместно с другими механизмами когезии. Так, в предложении (7) катафора *idea* связана с референтом – придаточным предложением *email and telexes have evolved from different sources* – с помощью союза *that*, служащего

средством простой конъюнкции. Пример (8) иллюстрирует феномен дистантной катафоры и будет рассмотрен нами подробнее в разделе 2.2 в рамках изучения когерентности.

Помимо вышеперечисленных контактной и дистантной механизмов катафоры, одним из способов выражения катафорической референции, на наш взгляд, можно считать риторический вопрос. Данный механизм встречается в научном тексте нечасто, но как минимум единожды используется в каждом из проанализированных текстов. Функция риторического вопроса как средства референции заключается в том, что он дает представление об информации, представленной далее по тексту:

(9) *Characterizing language in the ways exemplified in (4) (a)–(f) gives rise to various questions. For example: **The evolution of what entity/entities is/are at issue in the Edinburgh discussion?** [...] Kirby (1998, pp. 360, 369, 379–380), a participant in the Edinburgh discussion, provides for the linguistic entities he calls “language itself” and “languages themselves”. These entities are supposed to be distinct from the entity/entities which he calls “human language learning mechanisms” or “the LAD” [34].*

В данном примере риторический вопрос используется как способ запроса новой информации о некоторых лингвистических понятиях, характерных Эдинбургской лингвистической школе, детально описанных ниже по тексту.

Как уже было упомянуто ранее, референция в научном тексте функционирует как средство обеспечения семантической целостности высказывания. Оба механизма референции – анафору и катафору – зачастую можно наблюдать одновременно на небольших отрезках текста. Проиллюстрируем данный феномен примером:

(10) *He offers a serious defence of a variant of **the position** that the development of language was characterized by continuity. **The core of his position** is stated in (8):*

(8) *The correct theory of evolution of language, in my opinion, is this: language evolved from animal cognition not from animal communication. Here lies the continuity. Language grew out of cognitive systems already in existence and working: it formed a communicative bridge between already-cognitive animals (Ulbaek, 1998, p. 33).*

*In defending **this position**, Ulbaek (1998, p. 32) explicitly distances himself from Chomsky's "rejection of continuity" and sides with Bickerton (1990) and Pinker (1994), who, on his reading, hold positions on continuity similar to his own [34].*

Новая информация вводится катафорой *the position* и разъясняется подробнее далее по тексту. Следующее предложение (*The core of his position is stated in (8)*) сочетает в себе одновременно катафору (*The core*) и анафору (*his position*). Оба примера катафоры (*the position* и *the core*) отсылают читателя к цитате автора с объяснением его позиции (8). За данным объяснением следует вводная конструкция с анафорической референцией (*In defending **this position***), а также некоторая новая, более детальная информация касательно выдвинутой автором позиции.

Функция катафоры в данном случае заключается во введении новых понятий, точек зрения или гипотез, в то время как анафора в последующих предложениях или абзацах служит для более полного раскрытия данных понятий, точек зрения или гипотез. Таким образом, можно утверждать, что катафора и анафора обеспечивают смысловой континуум высказывания и являются одними из механизмов проспекции и ретроспекции в тексте. Проспекция относит читателя к информации, которая еще не была рассмотрена и будет представлена ниже по тексту. Ретроспекция же, в свою очередь, является отсылкой к уже рассмотренной в тексте информации. Подробнее два данных феномена будут рассмотрены в контексте категории когерентности в разделе 2.2.

Следующим по частотности механизмом когезии является субституция или замещение. Как правило, происходит замещение референта дейктическими элементами – местоимениями (11), но возможна также субституция при помощи однокоренных слов (12), антонимов (13) или синонимов (14) (но не в случае основных терминов исследования).

(11) *The student recorded in this data did not just listen, look, and read. He also wrote words, chemical formulas and mathematical expressions in his notebook, drew diagrams [41].*

(12) *The overall aim of the course is for students to experience these genres, as readers, writers, and as speakers, and in doing so to use the language of science for these and the many other purposes for which it is used by science students. These uses are in themselves also a preparation for using language for the purposes for which it is used by research and industrial scientists [53].*

(13) *In fact Hutchinson and Waters (1987:165) claim that the only significant variation between science/technology language and ordinary everyday language is (a) vocabulary and (b) the higher frequency of some grammatical forms. [56]*

(14) *I have just identified various techniques for analyzing many features of the language data. For the other kinds, methods are not yet as well developed or reliable [60].*

Замена референта антонимами (13) используется для описания и сравнения двух противоположных понятий или явлений. Использование же синонимов как средства субституции, согласно проведенному исследованию, встречается не так часто. Причиной этому может быть стремление научного дискурса к предельной понятийной и терминологической стройности. По сравнению с, например, публицистическим или художественным текстом, научный текст не избегает прямых повторов, в то время как замена слова синонимом может привести к двусмысленности и неоднозначной трактовке

высказывания, что противоречит основной цели научного стиля речи – информативной.

Спорным моментом касательно явления субституции является использование однокоренных слов как способа обеспечения когезии. Замещение референта однокоренными словами (12) можно рассматривать как явление дистантного лексического повтора, формирующего систему ключевых слов высказывания и, соответственно, являющегося одним из механизмов когерентности.

Другой особенностью субституции является ее связь с механизмом референции. Зачастую оба этих механизма могут быть выражены одними и теми же средствами – местоимениями как дейктическими элементами, – но при этом выполнять разную функцию. Референция, как правило, служит своеобразным навигатором по тексту и функционирует как указатель на те или иные понятия и явления. Субституция же служит способом избежания повторов и перегруженности текста, не позволяя повествованию оставаться однообразным и при этом поддерживая его связность. Тем не менее, субституция так же, как и референция обеспечивает континуум, проспекцию и ретроспекцию высказывания, на основании чего можно рассмотреть феномен субституции как частный случай проявления референции в тексте.

Необходимо отметить, что одним из средств когезии лингвисты М. Хэллидей и Р. Хасан считают феномен эллипсиса, сущность которого заключается в опущении некоторых слов, понятных по контексту. Проведенное исследование же показало, что данный механизм не характерен для научного текста. Одним из немногих случаев использования эллипсиса в изученном практическом материале явился пример отрывка из бизнес-коммуникации посредством имейлов:

(15) *e-m22: Please send me C.I.F. FFF(place) prices for FFF(band+model). Also your other stocks with details [44].*

Данный пример иллюстрирует опущение глагола *send* во втором предложении. Однако, данный пример нельзя считать достаточным основанием для подсчета статистики употребления данного механизма, поскольку он не является частью непосредственно научного дискурса, а лишь иллюстрирует практическое исследование автора данной научной статьи. Одной из причин, по которой непосредственно научный текст не использует механизм эллипсиса, можно считать стремление к предельной терминологической точности и стройности повествования. Опущение тех или иных слов может привести к неоднозначности высказывания, что также противоречит предельно конкретному донесению информации до читателя как основной функции научного текста.

2.1.2 Синтаксические механизмы когезии в англоязычном научном тексте

Помимо вышеперечисленных лексических механизмов, когезию в научном тексте обеспечивает синтаксис. Согласно Рисунку 2.1, синтаксические средства составляют всего 6,4% от всего числа механизмов когезии в рассмотренных научных текстах. К синтаксическим средствам когезии можно отнести синтаксический параллелизм (16), обособленные приложения (17)–(18), причастные обороты (19), ряды однородных членов (20) и тема-рематическую структуру предложения (21):

(16) *In the teaching of language courses specifically for science and technology students at tertiary level, there has been some discussion in the literature of **whether** a general approach should be taken, or **whether** such courses demand a subject-specific approach* [51].

(17) *These are generalizations from Halliday's (1994) and Halliday and Hasan's (1976) analysis of the meaning functions of the English clause (**ideational, interpersonal, and textual**)* [39].

(18) *An outline is given of a course, **taught by the author**, where this has been attempted [56].*

(19) **Outlining** *the ways in which language in science is significantly different from everyday language in terms of grammatical features, and in terms of frequency of genre, the author argues that a high degree of embedding of the course in the content of science is necessary [59].*

(20) *There are **a number of literacy practices** associated with university science: experimental research and its associated scholarly papers, the student practical session and its associated laboratory manuals and laboratory reports, the tutorial session and its tutorial problems and problem solving techniques, the lecture and its lecture notes, the examination and its examination papers, examination scripts, “short answers”, problem solving and calculations, and essays [52].*

(21) *Of the **99 IMG residents** in the Internal Medicine residency program, **26** (29.3%) **volunteered** to participate. Of **those**, **six** were eventually **dropped** from the study, **three of those** because they were unable to schedule one of the exams and **three** because their clinic administrators refused permission to conduct the patient satisfaction questionnaire [41].*

Прием синтаксического параллелизма (16) используется как средство связи при описании двух и более однородных понятий или явлений. Ряды однородных членов (20), в свою очередь, вводят более детальную информацию и как правило следуют за катафорой, выраженной лексической единицей с более общим, абстрактным значением.

Обособленные приложения (17)–(18) и причастные обороты (19) выполняют похожую функцию – дополнение уже упомянутой или введение новой информации. Особенностью этих синтаксических средств когезии является прерывание линейности повествования. По сравнению с причастными оборотами, приложения, как правило, представляют собой более лаконичные и компактные конструкции, обособленные запятыми или скобками. Приложения

вводят дополнительную информацию, не перегружая текст. Причастные обороты же менее характерны для научного дискурса, но могут встречаться в описании практической части исследования или во введении к научной работе.

Наконец, актуальное членение предложения, то есть его тема-рематическая структура, также является одним из синтаксических способов реализации когезии в тексте. Данный феномен подразумевает, что каждое предложение строится так, что его рема (новая, ранее не упомянутая информация) становится темой последующего предложения, то есть его смысловым ядром. Так, в примере (21) представлены два предложения. Смысловой ремой первого предложения является число участников, добровольно принявших участие в программе – *26 (residents) volunteered to participate*, информация о тех же 26 участниках составляет тему следующего предложения, в котором, во избежание близкого повтора, данное словосочетание замещено дейктическим местоимением *those*. Помимо этого, тема-рематическая последовательность реализуется и в рамках одного предложения. Например, во втором предложении примера (21) главная часть сложного предложения *six were eventually dropped from the study* по отношению к предложной группе *Of those*, в то время как однородные придаточные (*three of those because they were unable to schedule one of the exams; three because their clinic administrators refused permission to conduct the patient satisfaction questionnaire*) сообщают читателю новую информацию, детализирующую уже известные факты, то есть представляют собой рему по отношению к главному предложению. Несмотря на формальное проявление тема-рематической структуры в синтаксисе и ее сходства с механизмом референции (можно сказать, что рема является анафорой по отношению к теме), актуальное членение предложения затрагивает преимущественно содержательную сторону текста и обеспечивает его смысловую связность, поэтому данный феномен будет также рассмотрен в разделе 2.2 в рамках изучения когерентности.

2.1.3 Графические механизмы когезии в англоязычном научном тексте

Перейдем к описанию одного из самых характерных научному дискурсу средств связи – графической когезии. Графическая когезия впервые описана отечественным лингвистом И. Р. Гальпериным [11]. Главным объектом исследования ученого являлся художественный текст, для которого, как правило, не характерны графические маркеры, поэтому феномен графической когезии в трудах Гальперина не очень подробно освещен. На примере научного текста данный механизм когезии проявляется гораздо ярче, чем в художественном тексте, и выражается с помощью таких средств, как нумерованные списки, ссылки в виде цифр или буквенных обозначений. Рассмотрим подробнее механизмы графической когезии.

(22) *Brinton et al. (1989) distinguish **three different types** of content-based language courses:*

1. ***Theme-based courses** (the language class is organized around content modules). The course described in the next section of this article is an example of a theme-based course.*
2. ***Sheltered courses** (these are subject matter courses taught to a segregated group of second language learners.)*
3. ***Adjunct courses** (learners are enrolled concurrently in two linked courses – a language course and a content course) [49].*

Данный пример иллюстрирует графическую организацию научных понятий посредством нумерованного списка. В первом предложении приведенного выше отрывка текста мы можем наблюдать катафору *three different types of courses*, референтами которой являются три отдельных типа курсов под цифрами 1, 2 и 3. Список позволяет перечислять отдельные идеи,

вкратце описывая суть каждой из них, во взаимосвязи с более широким понятием, обобщающим и связующим данные идеи. Помимо этого, списки используются для иерархического представления понятий, для последовательного введения примеров.

(23) *At first sight John does not seem to be doing anything very complex, but in fact he is co-ordinating: (1) a complex listening skill that requires him to synthesize from at least three different utterances by two parties to a dialogue one single correct proposition, (2) reading and interpreting the genre of an outline-format text in which he must infer the semantic relations between a header such as “identifying” and an item under it such as “precipitations and saturated solutions,” (3) writing elliptically in a way addressed to and recoverable by himself additional information he **extracts from (1)** and decides is not adequately **represented in (2)** [51].*

Приведенный выше отрывок описания практического исследования также демонстрирует использование нумерации как графического механизма когезии. Так, в данном примере автор сначала вводит описание определенных навыков, каждый из которых последовательно используется студентом, а затем обозначает взаимосвязь между этими навыками, повторно указывая ссылки на нужные цифры – анафоры *information he extracts from (1); information not adequately represented in (2)* – отсылают читателя к референтам – описаниям определенных навыков, указанных под соответствующими цифрами. Нумерация в данном случае служит средством анафорической референции и используется во избежание перегрузки текста повторами громоздких конструкций, что обеспечивает гибкую систему навигации выше по тексту.

Приведенные выше примеры подтверждают эффективность графических средств когезии как способа наглядной и последовательной организации текста и обеспечения континуума повествования.

2.2 Механизмы когерентности в англоязычном научном тексте

Рассмотрев частотность и эффективность отдельных механизмов когезии, перейдем к более подробному изучению средств когерентности в научном тексте. Когерентность как более широкая категория текста отвечает за содержательную целостность высказывания и, в отличие от когезии, может не быть материализована в виде конкретных механизмов. Когезия и ее формальные механизмы – лишь один из способов реализации когерентности в тексте. К другим способам можно отнести систему ключевых слов текста, категории интегративности, проспекции, ретроспекции и завершенности. Проанализируем каждую из них на примере рассмотренного практического материала.

Система ключевых слов складывается из основных понятий исследования, обозначенных определенными лексическими единицами, терминами. Одно из основных требований к научному тексту – терминологическая точность стройность высказывания – исключает возможность подбора синонимов к отдельным лексическим единицам и тем самым является причиной многочисленных лексических повторов. Контактные лексические повторы, подробно рассмотренные в пункте 2.1.1, часто могут быть выражены субституцией референта посредством дейктических элементов (местоимений) во избежание перегруженности текста излишними повторами и, следовательно, затруднения восприятия информации читателем.

(24) *Students beginning tertiary education may find themselves in an academic environment which is very different from what **they** are used to [61].*

Так, в данном примере местоимение *they* является средством субституции как частного случая лексического повтора и заменяет существительное *students*, расположенное контактно по отношению к средству субституции и понятное по

контексту. Однако, контактные повторы уместно рассматривать в контексте категории когезии, в то время как система ключевых слов как средство когерентности обеспечивается преимущественно посредством дистантных лексических повторов.

Дистантный повтор представляет собой многократное повторение отдельных лексических единиц, отражающих основные понятия исследования; именно дистантный повтор формирует понятийную систему исследования и обеспечивает его терминологическую стройность. Важно отметить, что ключевые слова не всегда являются самыми частотными в тексте, но обязательно образуют семантический центр высказывания, вокруг которого строится исследование. Зачастую ключевые слова так или иначе отражены в названии работы. Рассмотрим данную закономерность на примерах сопоставления названий научных статей и системы ключевых слов каждой из них.

(25) *Observational word learning in two bonobos (Pan paniscus): ostensive and non-ostensive contexts.*

Keywords: Language acquisition; Bonobo; Fast mapping [52].

(26) *Pragmatics, bilingualism, and the native speaker.*

Keywords: Pragmatics; Bilingualism; Second language acquisition; Sociolinguistics; Language and culture [59].

(27) *The discourse of distress: a narrative analysis of emergency calls to 911.*

Keywords: Narrative; Discourse strategies; Speech acts; 911 emergency calls [47].

(28) *The real thing? Authenticity and academic listening.*

Keywords: Authenticity; EAP; Lecture comprehension; Listening; Materials [53].

Как правило, заголовок научного исследования предельно точно отражает объект и предмет исследования – одни из его ключевых понятий, которые,

соответственно, входят и в систему ключевых слов текста исследования. Ключевые слова могут быть отражены в заголовке как посредством прямого повтора одной и той же лексической единицы, так и с использованием синонимичных или антонимичных конструкций с более широким или, напротив, более узким значением. Для удобства описания приведенных выше примеров будем рассматривать субституцию, выраженную с помощью синонимов, антонимов, а также однокоренных слов как частный случай феномена повтора.

Так, в примере (27) мы можем наблюдать явление повтора как средства когерентности, выраженного при помощи однокоренных слов. Прилагательное *narrative*, отраженное в заголовке в словосочетании *a narrative analysis*, находит свое отражение в системе ключевых понятий высказывания в качестве однокоренного существительного *narrative*. В свою очередь, существительное *discourse*, представленное в заголовке, в тексте проявляется как часть коллокации *discourse strategies* как прилагательное, образованное методом конверсии. Помимо этого, при сопоставлении содержания заголовка данной научной статьи и ее содержания, в частности системы ключевых слов, мы встречаем не только прямой повтор словосочетания *emergency calls to 911*, но и другой его вариант – *911 emergency calls*.

В примере (26) словосочетание из заголовка научной статьи *word learning* (изучение слов) отражено в тексте как ключевое понятие с более широким значением – *language acquisition* (изучение/усвоение языка). Пример (28) иллюстрирует обратное явление: достаточно широкое понятие *academic listening* (аудирование в учебных целях) находит свое отражение в системе ключевых слов текста в виде синонимичного понятия с более конкретным значением – *lecture comprehension* (восприятие лекций на слух).

Использование антонимов как средства формирования системы ключевых слов отражено в примере (27). Здесь мы можем наблюдать

противопоставление понятия *native speaker* (носитель языка) из заголовка статьи с явлением *second language acquisition* (овладение вторым языком). Несмотря на антонимичность понятий, данный механизм обеспечивает содержательный континуум высказывания и его понятийную стройность, поскольку оба этих понятия объединены общим семантическим полем.

Приведенные выше примеры кратких перечней ключевых слов каждой научной статьи являются упрощенными и схематичными: как правило, данные ключевые слова встречаются в тексте в виде множества вариантов (выраженных, как уже было упомянуто, синонимами, антонимами, однокоренными словами), а также могут варьировать свою лексическую сочетаемость. Так, например, заголовок (27) обозначает *bilingualism* как одно из ключевых понятий исследования, которое проявляется в тексте в неизменной форме как средство прямого повтора (*definition of bilingualism*), посредством замещения однокоренными словами (*the mind of the bilingual*) или же как часть коллокаций (*bilingual education, bilingual contexts*).

Перейдем к рассмотрению следующих механизмов когерентности в научном тексте – феноменов проспекции и ретроспекции. Так, основными средствами обеспечения проспекции и ретроспекции являются дистантная катафора и дистантная анафора соответственно. Впервые два данных средства были упомянуты при описании механизмов референции в разделе 2.1.1.

Дистантные катафора и анафора являются материальной реализацией в тексте проспекции и ретроспекции соответственно и могут быть выражены традиционно-грамматическими средствами (например, модальностью и видо-временными формами глагола), лексическими средствами (эксплицитными ссылками по тексту, вводными конструкциями, причастиями, наречиями, дистантными повторами), графическими средствами. Перейдем к рассмотрению каждого из этих частных случаев средств когерентности подробнее.

(29) *The observations made about both sources of data samples will be discussed further in the following section* [43].

(30) *Appendix A shows extracts from students' reports. The first report is on "the effects of weight and distance in the see-saw". Extract 1 is a section from the introduction of this report. It indicates that the student is in the process of acquiring the focused literacy, highly precise and specific, of science writing, and indeed all academic writing* [56].

(31) *The above quoted surveys underline the importance of equipping NNS students with the requisite participatory skills and an understanding of English-speaking academic culture* [48].

(6) *As a way of summarising the arguments presented in the previous sections, 40 letters and 40 randomly selected e-mail messages (out of the already quoted 63 business e-mails) were analysed following the basic characteristics of both written and spoken discourse presented in Fig. 1* [44].

Дистантная катафора как средство когерентности была впервые упомянута в пункте 2.1.1 в примере (8), демонстрирующем случай использования вводной конструкции с глаголом в будущем времени (*This section will examine examples*) как средства проспекции. Подобным образом эксплицитно выраженная дистантная катафора дает читателю представление о содержании последующей главы исследования.

Похожий пример использования дистантной катафоры как средства проспекции мы наблюдаем в предложении (29): автор отсылает читателя к информации, представленной в следующем разделе. Проспекция в данном примере обеспечивается посредством использования будущего времени глагола (*will be discussed*) как грамматического средства когерентности, а также наречия *further* и словосочетания *in the following section* как лексических средств дистантной катафоры. Еще один случай использования проспекции как механизма когерентности представлен в примере (30). В данном отрывке

исследования мы можем наблюдать явление анафорической референции, обеспечивающее проспекцию текста. Катафора, выраженная лексическими средствами, относит читателя к графическим референтам (рисункам, таблицам, отрывкам из студенческих эссе), представленным в приложении к исследованию.

Следующий пример (31) демонстрирует использование лексических средств с целью обеспечения ретроспекции высказывания. Ретроспекция в данном случае выражена наречием *above* и причастием *quoted*, что относит читателя к информации, рассмотренной в нескольких абзацах выше по тексту.

Сразу несколько примеров средств ретроспекции мы можем наблюдать в предложении (6). Данный пример уже был приведен нами ранее, в пункте 2.1.1, для иллюстрации дистантной анафоры. Данное предложение фигурирует в одном из заключительных пунктов исследования и является обобщающим по отношению к информации, рассмотренной ранее. Так, проспекция в данном случае обеспечивается посредством вводной конструкции *As a way of summarising*, прилагательного *previous* в словосочетании *presented in the previous sections* и графической референции *presented in Fig. 1* иллюстрируют явление дистантной анафоры, референтами которой являются понятия и явления, описанные в предыдущих разделах исследования.

Предложение (6) является также ярким примером другого механизма когерентности – категории завершенности высказывания. Данное предложение подводит итог проведенному исследованию благодаря использованию определенных лексических средств, катафоричных по отношению к предыдущим разделам исследования (вводная конструкция *As a way of summarising* и словосочетание *the arguments presented in the previous sections* апеллируют к ранее изложенной информации). Важным средством обеспечения завершенности является следующая часть предложения (6): *40 letters and 40 randomly selected e-mail messages were analysed*. Прошедшее время глагола *were*

analysed является формальным показателем законченности действия, что можно трактовать как подведение итогов проведенного исследования.

И. Р. Гальперин определяет завершенность как законченность и исчерпанность мысли, которую автор стремился выразить в своей работе [11, с. 124–135]. Несмотря на субъективность данной категории и ее прямую зависимость от восприятия читателя, в научном тексте она выражена достаточно четко в силу основных целей и структуры научного дискурса. Каждый научный текст, имея цель донесения до читателя определенной информации, следует примерно одинаковому паттерну изложения этой информации: постановка проблемы исследования и задач для ее решения, введение ключевых понятий, их детальный анализ, обобщение полученных в ходе анализа данных, подведение итогов. Данный паттерн повествования отражен в структуре научных статей, состоящей, как правило, из введения, нескольких разделов основной части исследования и заключения. Рассмотрим данную структуру на примере рассмотренных в ходе практического исследования научных работ.

(32) *1. Introduction*

2. What is scientific language?

3. The rationale for content-based language teaching

4. A theme-based language course for science students

4.1. The context of the course

4.2. How themes are used in the course

4.3. Integration of literacies into the themes

5. Pedagogical implications

6. Conclusion [56].

(33)

Introduction

Methods

The Test of English for International Communication (TOEIC)

The Speaking Proficiency in English Assessment Kit (SPEAK)

In-Training Exam in Internal Medicine (ITE-IM)

Faculty/colleague questionnaire.

Patient satisfaction questionnaire.

Results

Participants

English language proficiency.

Patient satisfaction questionnaire (PSQ).

Faculty and colleague evaluations.

In-training exam.

Discussion [41].

Так, в примере (33) мы можем наблюдать, что структура исследования во многом обеспечивается графическими средствами – жирным шрифтом и курсивом, расположением текста по центру и левому краю. Текст, расположенный по центру и выделенный жирным, представляет собой заголовки отдельных разделов. Курсив и расположение текста по левому краю, в свою очередь, служат для выделения подразделов исследования. В содержательном плане структура данной статьи состоит из введения, дающего читателю краткое представление о последующем исследовании; нескольких основных разделов, разбитых на подразделы (это способствует более упрощенному и последовательному анализу и описанию широких понятий исследования, их более детальному рассмотрению) и заключения.

В примере (32) шестым и завершающим разделом научной статьи является заключение (*Conclusion*). Как правило, в заключении автор в сжатом виде повторно описывает весь процесс проведенного исследования и приводит краткую выдержку всех полученных результатов, описанных в ходе исследования. В примере (33) функцию заключения выполняет раздел *Results*, а также следующий за ним раздел обсуждения полученных результатов –

Discussion. Важно отметить, что для научного текста не является обязательным критерием констатация конкретных выводов исследования. Выдвижение гипотез, обсуждение спорных моментов и описание полученных наблюдений также являются эффективными результатами исследования, если они подкреплены доказательным практическим и теоретическим материалом. По этой причине раздел *Discussion* в примере (33) можно назвать одним из средств обеспечения завершенности текста. Обобщая приведенные выше признаки и примеры проявления завершенности, можно описать данную категорию текста как соотношение поставленных в начале исследования целей к полученным результатам.

Последовательная структура, описанная в контексте категории завершенности, высказывания обеспечивает также категорию интегративности текста как одного из механизмов когерентности. Интегративность представляет собой достаточно широкое понятие, которое не всегда обладает материальными признаками в тексте и является скорее концептуальной, когнитивной категорией текста, нежели формальной. И. Р. Гальперин в своих трудах описывает категорию интегративности как сложную структуру, реализуемую в тексте посредством ассоциативных и пресуппозитивных средств связи. Понятие интегративности сложно рассматривать изолированно, поскольку в силу своей многогранности оно охватывает все вышеперечисленные механизмы когезии и когерентности.

Обеспечение интегративности текста посредством организации его четкой структуры возможно и при делении текста на определенные смысловые отрезки в рамках одной главы. Так, Дж. Паркинсон в своей научной работе организует описание лингводидактического практического исследования как последовательность использования студентом определенных языковых навыков и компетенций. Последовательность графически организована как расписание занятий студента посредством деления текста на отдельные секции:

- (34) 9:14 am “Skills Testing”
9:38 am *The Uses of Salts*
10:08 am “What is the pH ...?”
Interlude: Math and Lunch
1:40 pm “Energy Levels”
2:06 pm “Absorption Spectra”
2:50 pm “Laser Light” [51].

Структурную организацию крупных отрезков текста посредством деления на главы и разделы, как в примерах (32), (33) и (34), можно назвать графическим механизмом обеспечения интегративности. К другим графическим механизмам когерентности можно отнести таблицы и схемы.

Таблицы, схемы и графики визуально структурируют лаконично изложенную основную информацию, которая, как правило, подробнее описана ниже или выше по тексту. Так, в своем исследовании языковых средств, употребляемых говорящими во время стрессовых ситуаций (в частности звонков диспетчерам неотложных служб) А. Имбенс-Бейли приводит схему частотности тех или иных запросов говорящего и ответов диспетчера. Данная схема представлена на рисунке 2.1.3.

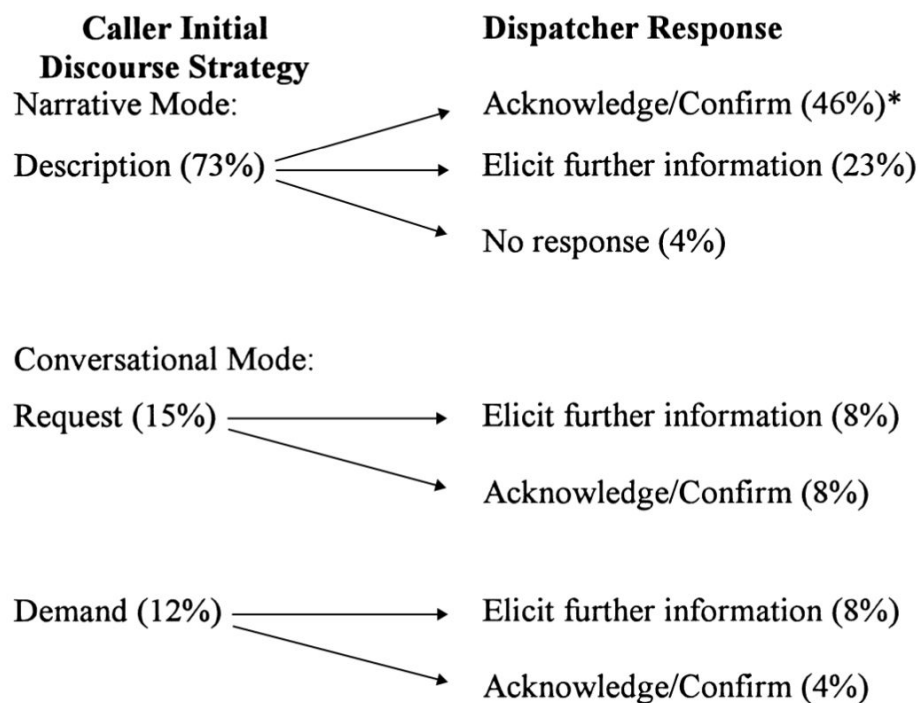

Fig. 1. Percentage of initial caller strategies and dispatcher response by discourse mode and speech act category. *Two calls were completed with dispatcher signaling emergency aid after just one exchange. Both of these calls were initiated with caller **description** of the emergency followed by dispatcher **acknowledgment/confirmation**.

Рисунок 2.1.3

Сразу после схемы мелким шрифтом автор указывает название данной схемы и краткое описание ее содержания. Данный графический механизм разбивает основной текст, описывающий приведенные в схеме данные. Рассмотрим данный отрывок:

(35) *Fig. 1 shows the percentage of initial caller strategies and dispatcher responses by discourse mode.*

*The **most common** initial caller strategy was to provide **descriptive** information about the emergency situation. Nineteen of the calls (73%) used a short narrative of events as an initial discourse strategy.*

[...]

*Four calls (15%) used a **request** as the initial strategy for eliciting aid as in the following example:*

Dispatcher: 911. This call's recorded. What's your emergency?

Caller: Yes. I need [/] I need to go to the hospital.

Just three calls (12%) demanded help from the dispatcher, as with the caller in the following example, who incidentally interrupts not only the dispatcher's opening but also his initial response:

Dispatcher: 911. Your call +/.

Caller: Oh please emergency. 12 Greene Acre Street. Right away!

Dispatcher: What's the pro +/.

Caller: Hurry up, please sir [47].

Так, первое предложение приведенного выше отрывка текста начинается с названия приведенной ниже схемы *Fig. 1* и содержит ее краткое описание. Последующий текст уже находится ниже от схемы – предполагается, что сначала читатель ознакомится с краткими данными, приведенными в схеме, прежде чем перейдет к их подробному объяснению. Каждый из трех типов обращения говорящего к диспетчеру, приведенных в левом столбце схемы, рассмотрен автором последовательно. Анализ каждого типа представляет анафору к той или иной графе схемы: например, словосочетание *Four calls (15%) used a request* представляет собой анафору по отношению к графе *Request (15%)*, выраженную при помощи лексического повтора слова *request* и ее процентного соотношения с другими типами обращений. Два других случая анафоры по отношению к приведенной выше по тексту схеме – *The most common initial caller strategy was to provide descriptive information* и *Just three calls (12%) demanded help* – также являются примерами лексического повтора, но в данном случае повтор выражен субституцией референта при помощи однокоренных слов (*descriptive* в тексте/*description* в схеме; *demanded* в тексте/*demand* в схеме).

Таким образом, автор вводит новую информацию последовательно, позволяя читателю сначала ознакомиться с основными данными посредством

структурирования основной информации в виде схемы, а затем перейти к более подробному рассмотрению этих данных.

Несмотря на то, что описание схемы в примере (26) приведено непосредственно под самой схемой и такое средство связи можно было бы назвать контактным, было бы ошибочным назвать отнести данный графический механизм к феномену когезии. Объяснить это можно тем, что ссылки на приведенную выше схему, выраженные процентами поступивших звонков, расположены в пяти последующих абзацах, что уже можно трактовать как достаточно крупный отрезок текста, и именно когерентность обеспечивает континуум повествования на подобных крупных отрезках.

Перейдем к другим способам обеспечения интегративности в тексте. В процессе исследования мы обратили внимание на закономерность, которая является, пожалуй, одним из самых ярких проявлений интегративности в тексте. Ранее не описанным механизмом когерентности является актуальное членение предложения, его тема-рематическая структура, уже затронутая в контексте феномена когезии. Актуальное членение позволяет обеспечивать содержательно-смысловой континуум высказывания путем чередования темы как семантического центра высказывания и ремы – новой, ранее не упомянутой информации. Подобная структура повествования акцентирует внимание читателя на отдельных фактах, понятиях и явлениях способствуя последовательному восприятию информации. Тема-рематическая последовательность высказывания во многом обеспечивается благодаря структуре предложений. Проанализируем данный феномен на примерах из научных статей.

(36) *Following Yin (1984), construct validity refers to “establishing correct operational measures for the concepts being studied” (p. 40).*

[...]

In order to increase construct validity by developing a sufficiently operational set of measures, we adopted the steps recommended by Yin (1984) for case study research [38].

(37) This profusion of ontologically distinct ways of characterizing language is symptomatic of a foundational flaw in work on language evolution: it indicates the absence of a shared, well-founded linguistic ontology.

[...]

Central to such an ontology, moreover, should be a set of non-ad hoc constraints on postulating specifically language as an entity that is distinct from other linguistic entities [34].

Синтаксическая структура второго предложения в примере (36), а именно предшествование придаточного цели главной части предложения, позволяет акцентировать внимание читателя на реме *to increase*, предшествующей теме *construct validity*. Так, чередование новой и ранее упомянутой информации способствует лучшему усвоению информации, ее последовательному восприятию. Эффективным способом обеспечения тема-рематической последовательности можно назвать инверсию. Инверсию мы можем наблюдать в примере (37); здесь автор нарушает прямой порядок слов путем перемещения сказуемого перед подлежащим (*should be a set of non-ad hoc constraints*), а также выводит определение *central* в начало предложения, акцентируя внимание читателя на наиболее актуальной, по мнению автора, информации. В данном случае тема выражена дистантным повтором словосочетания *such an ontology* и является смысловым центром предложения, в то время как оставшиеся члены предложения выражают новую для читателя информацию.

Помимо тема-рематической структуры, категория интегративности обеспечивается и другими механизмами. Так, в примере (36) логический коннектор *In order to* в начале предложения является катафоричным по отношению к последующей информации, поскольку означает, что за

придаточным цели (*In order to increase construct validity*) следует описание действий, необходимых для ее достижения (*we adopted the steps*). Последовательность и связность высказывания обеспечивают также дистантные и контактные повторы лексических единиц, которые уже встречались ранее по тексту: это прямые повторы словосочетаний *construct validity, operational set of measures*, а также повтор фамилии ученого *Yin*, на работы которого в своем исследовании ссылается автор. В примере (37) к средствам интегративности можно отнести дистантный повтор слов *language* и *linguistic*, а также уже описанный ранее повтор словосочетания *a shared, well-founded linguistic ontology*, выраженный при помощи субституции – замены ряда однородных прилагательных *shared, well-founded* и *linguistic* определяющим словом *such* во втором предложении данного примера (*central to such an ontology*).

Наиболее полно и отчетливо категория интегративности проявляется в заключительной части научных работ, в частности при описании результатов исследования, которые лаконично демонстрируют процесс интеграции (ход проведенного исследования) и ее результат (полученные выводы исследования). В качестве подтверждения данной гипотезы приведем пример первого абзаца заключительного раздела одной из изученных статей:

(38) *In this research, we identified and described features of academic grant proposals. Based on the theories of genre analysis and social construction of meaning (Swales 1990; Bhatia 1993; Berkenkotter & Huckin 1995), we identified ten functional moves (territory, gap, goal, means, reporting previous research, achievements, benefits, competence claim, importance claim, and compliance claim) present in the grant proposals in the sample [38].*

Данный пример представляет собой краткую выдержку из всего научного исследования и демонстрирует процесс исследования – краткое описание входных данных для анализа (*the theories of genre analysis and social construction*

of meaning), материал для практического исследования (*academic grant proposals*), процесс практического исследования (*we identified and described features of academic grant proposals*) и, наконец, конкретные результаты, к которым привел анализ теоретического и практического материала исследования (*we identified the functional moves present in the grant proposals in the sample*). Интегративность в данном случае представлена в сжатом виде путем последовательного перечисления всех этапов исследования.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрируют не только отдельные механизмы, обеспечивающие целостность текста, но и их взаимосвязь. Как правило, все перечисленные механизмы не встречаются в тексте изолированно, на основании чего можно выдвинуть гипотезу, что суть когерентности заключается в одновременном функционировании нескольких формальных механизмов.

Итак, перейдем к выводам по результатам проведенного исследования. Механизмы когезии в англоязычном научном тексте можно подразделить на лексические, синтаксические и графические. Лексические механизмы когезии наиболее частотны. Самыми частотными лексическими средствами когезии являются лексический повтор (контактный) и конъюнкция.

Можно выделить простую и сложную подтипы конъюнкции. Простая конъюнкция выражена с помощью союзов и союзных слов и связывает слова в предложении или части сложного предложения. Сложная конъюнкция обеспечивается посредством вводных конструкций и прочих логических коннекторов, которые связывают отдельные предложения, сверхфразовые единицы и абзацы.

Третий по частотности механизм когезии – референция. Выделяют анафорическую (относит читателя к уже упомянутой информации) и катафорическую (вводит еще не упомянутую информацию) виды референции. Можно выделить контактную и дистантную референцию. Когезия реализуется

посредством контактной референции. Одним из средств контактной референции можно считать риторический вопрос.

Субституция как следующее по частотности средство когезии может быть выражена дейктическими элементами (местоимениями), однокоренными словами, синонимами и антонимами. Субституция, в частности выраженная дейктическими элементами, может рассматриваться как частный случай референции. Замещение референтов синонимами или антонимами встречается редко ввиду принципа терминологической стройности научного текста и не затрагивает ключевые термины.

Феномен эллипсиса как механизм когезии не характерен научному тексту.

К синтаксическим средствам когезии можно отнести синтаксический параллелизм, обособленные приложения, причастные обороты, ряды однородных членов и тема-рематическую структуру предложения.

Графическая когезия выражается с помощью таких средств, как нумерованные списки, ссылки в виде цифр или буквенных обозначений. Данные механизмы визуально структурируют основную информацию и служат эффективным средством быстрой навигации по тексту. Такие графические средства, как таблицы и схемы, а также структурная организация крупных отрезков текста посредством деления на главы и разделы, обеспечивают континуум на более крупных отрезках текста и относятся уже к явлению когерентности.

Когерентность, в отличие от когезии, может быть не материализована в тексте с помощью формальных средств. Когерентность обеспечивается с помощью ключевых слов текста, категории интегративности, проспекции, ретроспекции и завершенности.

Система ключевых слов складывается из основных понятий и терминов исследования и обеспечивается преимущественно посредством дистантного

лексического повтора. Субституцию посредством однокоренных слов можно рассматривать как разновидность дистантного повтора. Ключевые слова не всегда являются самыми частотными в тексте, но обязательно образуют семантический центр высказывания, вокруг которого строится исследование. Зачастую ключевые слова так или иначе отражены в названии работы.

Основными средствами обеспечения проспекции и ретроспекции являются дистантная катафора и дистантная анафора соответственно, которые могут быть выражены традиционно-грамматическими средствами (например, модальностью и видо-временными формами глагола), лексическими средствами (эксплицитными ссылками по тексту, вводными конструкциями, причастиями, наречиями, дистантными повторами), графическими средствами.

Завершенность высказывания во многом зависит от восприятия читателя и подразумевает законченность и исчерпанность мысли, которую автор стремился выразить в своей работе.

Каждый научный текст следует примерно одинаковому паттерну изложения информации: постановка проблемы исследования и задач для ее решения, введение ключевых понятий (введение), их детальный анализ, обобщение полученных в ходе анализа данных (основная часть), подведение итогов (заключение). Категория завершенности наиболее ярко проявляется в заключении.

Последовательная структура высказывания обеспечивает также категорию интегративности. Интегративность является когнитивной, концептуальной и, вероятно, даже психолингвистической категорией, которую сложно рассматривать изолированно, поскольку в силу своей многогранности оно охватывает все вышеперечисленные механизмы когезии и когерентности.

Одним из средств обеспечения интегративности является тема-рематическая структура высказывания.

Наиболее отчетливо категория интегративности проявляется в заключении, при описании результатов исследования, которые демонстрируют процесс интеграции (ход проведенного исследования) и ее результат (полученные выводы исследования).

Все вышеперечисленные механизмы не встречаются в тексте изолированно, на основании чего можно выдвинуть гипотезу, что суть когерентности заключается в одновременном функционировании нескольких формальных механизмов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когезия и когерентность являются основными признаками текстуальности наряду с категориями интенциональности, приемлемости, ситуативности, интертекстуальности. Взаимосвязь категорий когезии и когерентности исследуется многими учеными и заключается в том, что когезия является собственно-текстовой категорией текста и обеспечивается формальными средствами, в то время как когерентность как более широкая и абстрактная категория скорее представляет собой содержательно-когнитивный феномен.

Наиболее ярко категории когезии и когерентности проявляются в научном тексте ввиду строгих требований к его последовательной организации в единое целое. С целью изучения особенностей функционирования отдельных механизмов когезии и когерентности в научном тексте нами были проанализированы 30 англоязычных научных статей филологической, лингвистической и лингводидактической направленностей.

В результате проведенного исследования мы выделили три широких подгруппы механизмов когезии – лексические, синтаксические и графические. Наиболее частотными механизмами, согласно проведенному анализу, являются лексические средства когезии, в рамках которых мы выделили лексические

повторы (в частности контактные), простые и сложные формы конъюнкции, анафорическую и катафорическую референцию (в частности ее контактный подтип), а также механизм субституции. Механизм эллипсиса, описанный многими лингвистами как одно из основных средств когезии, оказался не свойственен научному тексту. Синтаксические средства когезии являются вторыми по частотности в научном тексте.

Анализ функционирования когерентности на примере англоязычных научных статей позволил нам выделить систему ключевых слов, интегративность, проспекцию, ретроспекцию и завершенность как основные механизмы когерентности в научном тексте. Интегративность и завершенность в данном случае можно отнести к психолингвистическим категориям, зачастую не реализованным в тексте посредством формальных средств и во многом зависящим от восприятия читателя. Система ключевых слов и категории проспекции и ретроспекции, в свою очередь, являются более конкретными механизмами, которые зачастую реализуются в тексте посредством когезии, в частности посредством дистантных повторов, дистантной катафоры и дистантной анафоры соответственно.

В качестве новых, ранее подробно не описанных механизмов когезии мы рассмотрели риторический вопрос как средство референции, а также некоторые графические средства обеспечения связности высказывания, такие как нумерованные списки, ссылки в виде цифр или буквенных обозначений, таблицы и схемы, эффективно и наглядно структурирующие текст, облегчающие визуальное восприятие текста и обеспечивающие быструю навигацию по тексту. К ранее не изученным механизмам когерентности мы отнесли тема-рематическую структуру высказывания как средство обеспечения интегративности высказывания.

Таким образом, научная новизна данного исследования определяется тем, что впервые рассматриваются и подробно систематизируются основные

закономерности функционирования когезии и когерентности в рамках научного текста, а также описываются новые, ранее не изученные механизмы когезии и когерентности.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что его материалы могут быть использованы при написании научных текстов на английском языке. Результаты данного исследования будут полезны для молодых исследователей не-носителей английского языка, которые стремятся повысить уровень своих научных работ посредством их публикации в зарубежных изданиях. Кроме того, результаты данного исследования могут быть использованы в качестве методолого-теоретической базы при обучении написанию научных статей или в рамках курса по практике иноязычной письменной речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: целостно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2012. – 288 с.
- 2 Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, 2005. – 416 с.
- 3 Арутюнова Н. Д. Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1990. – 278 с.
- 4 Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика / Л. Г. Бабенко. – М. : Флинта, 2008. – 496 с.
- 5 Бабич В. Н. Лингвострановедческая интерпретация текста с точки зрения теории информации / В. Н. Бабич // Иностранные языки в высшей школе. – М., 1991, вып. 23. – С. 44–49.
- 6 Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика / А. Н. Баранов. – М. : Флинта, 2018. – 519 с.
- 7 Болотнова Н. С. Филологический анализ текста / Н. С. Болотнова. – М. : Флинта, 2007. – 520 с.
- 8 Валгина Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Флинта, 2017. – 250 с.
- 9 Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста : дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Воробьева. – М., 1993. – 380 с.
- 10 Ворожбитова А. А. Теория текста. Антропоцентрическое направление / А. А. Ворожбитова. – М. : Высшая школа, 2005. – 367 с.
- 11 Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : УРСС Эдиториал, 2006. – 144 с.

12 Гиро П. Основные проблемы и направления в современной лингвистике / П. Гиро // Новое в зарубежной лингвистике, вып. 9. Лингвостилистика. – М., 1980. – С. 35–68.

13 Григорьева А. К. Смысловое чтение учебного и научного текста: теория и практика: Учебное пособие / А. К. Григорьева, И. И. Московкина. – М. : Флинта, 2016. – 176 с.

14 Кибрик А. А. Об анафоре, дейксисе и их соотношениях / А. А. Кибрик // Разработка и применение лингвистических процессов. – Новосибирск, 1983. – С.107-129.

15 Косериу Э. Синхрония, диахрония и история / Э. Косериу // Новое в лингвистике. – М., 1963. – С. 125–347.

16 Левицкий Ю. А. Лингвистика текста / Ю. А. Левицкий. – М. : Высшая школа, 2006. – 207 с.

17 Лотман Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1992. – 272 с.

18 Лукин В. А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 1999. – 192 с.

19 Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории: Аналитический минимум / В. А. Лукин. – М. : Ось-89, 2009. – 560 с.

20 Накорякова К. М. Литературное редактирование: общая методика работы над текстом: Практикум / К. М. Накорякова. – М. : Издательство ИКАР, 2002. – 432 с.

21 Николина Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – М. : Академия, 2008. – 272 с.

22 Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [М. Н. Кожина, Е. А. Баженова, М. П. Котюрова и др.] – М. : Флинта, 2011. – 696 с.

23 Теория текста. Учебное пособие / [Ю. Н. Земская, И. Ю. Качесова, Л. М. Комиссарова и др.] – М. : Флинта, 2016. – 224 с.

- 24 Чернявская В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2014. – 194 с.
- 25 De Beaugrande R. A. Linguistic theory. The discourse of fundamental works / R. A. Beaugrande. – L. : 1991. – 412 p.
- 26 De Beaugrande R. A. Introduction to Text Linguistics / R. A. Beaugrande, W. U. Dressler. – L. : Longman, 1981. – 290 p.
- 27 Halliday M.A.K. Cohesion in English / M.A.K. Halliday, H. Rugaiya. – L. : Continuum, 1976. – 392 p.
- 28 Halliday M.A.K. The Language of Science / M.A.K. Halliday. – L. : Continuum, 2004. – 240 p.
- 29 Halliday M.A.K. Linguistic Studies of Text and Discourse / M.A.K. Halliday. – L. : 2002. – 301 p.
- 30 Parret H. Discussing Language / H. Parret. – Paris: The Hague, 1974.
- 31 Petofi J. Texte und Sachverhalte: Aspekte der Wort Und Textbedeutung / J. Petofi. – Hamburg: Buske, 1983. – 402 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

- 32 Beaugrande R. User-Friendly Communication Skills in the Teaching and Learning of Business English / R. Beaugrande // English for Specific Purposes. – 2000. – P. 331–349.
- 33 Benesch S. Rights Analysis: Studying Power Relations in an Academic Setting / S. Benesch // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 313–327.
- 34 Botha R. P. Discussing the evolution of the assorted beasts called language / R. P. Botha // Language & Communication. – 2000. – P. 149–160.
- 35 Bruthiaux P. In a nutshell: persuasion in the spatially constrained language of advertising / P. Bruthiaux // Language & Communication. – 2000. – P. 297–310.
- 36 Bunton D. The Use of Higher Level Metatext in Ph.D Theses / D. Bunton // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 41–56.

- 37 Clachar A. Redressing ethnic conflict through morphosyntactic “creativity” in code-mixing / A. Clachar // *Language & Communication*. – 2000. – P. 311–327.
- 38 Connor U. Linguistic Analysis of Grant Proposals: European Union Research Grants / U. Connor, A. Mauranen // *English for Specific Purposes*. – 1999. – 47–62 p.
- 39 Currie P. Transferable Skills: Promoting Student Research / P. Currie // *English for Specific Purposes*. – 1999. – P. 329–345.
- 40 Edwards N. Language for business: effective needs assessment, syllabus design and materials preparation in a practical ESP case study / N. Edwards // *English for Specific Purposes*. – 2000. – P. 291–296.
- 41 Eggly S. The Relationship between English Language Proficiency and Success as a Medical Resident / S. Eggly, J. Musial, J. Smulowitz // *English for Specific Purposes*. – 1999. – P. 201–208.
- 42 Fox R. The Social Identity of Management Ergolect / R. Fox // *English for Specific Purposes*. – 2000. – P. 261–278.
- 43 Gains J. Electronic Mail—A New Style of Communication or Just a New Medium? : An Investigation into the Text Features of E-mail / J. Gains // *English for Specific Purposes*. – 1999. – P. 81–101.
- 44 Gimenez J. C. Business e-mail communication: some emerging tendencies in register / J. C. Gimenez // *English for Specific Purposes*. – 2000. – P. 237–251.
- 45 Hyland K. Talking to Students: Metadiscourse in Introductory Coursebooks / K. Hyland // *English for Specific Purposes*. – 1999. – P. 3–26.
- 46 Inghilleri M. Intersubjectivity: the holy grail of mutual understanding? / M. Inghilleri // *Language & Communication*. – 2000. – P. 133–148.
- 47 Imbens-Bailey A. The Discourse of Distress: a Narrative Analysis of Emergency Calls to 911 / A. Imbens-Bailey, A. McCabe // *Language & Communication*. – 2000. – P. 275–296.

48 Jones J. F. From Silence to Talk: Cross-Cultural Ideas on Students' Participation in Academic Group Discussion / J. F. Jones // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 243–259.

49 Kress G. “You've Just Got to Learn How to See”: Curriculum Subjects, Young People and Schooled Engagement with the World / G. Kress // Linguistics & Education. – 2001. – P. 401–415.

50 Kuo C. The Use of Personal Pronouns: Role Relationships in Scientific Journal Articles / C. Kuo // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 121–138.

51 Lemke J. Multimedia Literacy Demands of the Scientific Curriculum / J. Lemke // Linguistics and Education. – 2000. – P. 247–271.

52 Lyn H. Observational word learning in two bonobos (*Pan paniscus*): ostensive and non-ostensive contexts / H. Lyn, E. Sue Savage-Rumbaugh // Language & Communication. – 2000. – P. 255–273.

53 MacDonald M. The Real Thing: Authenticity and Academic Listening / M. MacDonald, R. Badger, G. White // English for Specific Purposes. – 2000. – P. 253–267.

54 Nurweni A. The English Vocabulary Knowledge of Indonesian University Students / A. Nurweni, J. Read // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 161–175.

55 Okamura A. Lexical phrases, culture, and subculture in transactional letter writing / A. Okamura, P. Shaw // English for Specific Purposes. – 2000. – P. 1–15.

56 Parkinson J. Acquiring scientific literacy through content and genre: a theme-based language course for science students / J. Parkinson // English for Specific Purposes. – 2000. – P. 369–387.

57 Posteguillo S. The Schematic Structure of Computer Science Research Articles / S. Posteguillo // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 139–160.

58 Sengupta S. Supporting effective English communication within the context of teaching and research in a tertiary institute: developing a genre model for

consciousness raising / S. Sengupta, G. Forey, L. Hamp-Lyons // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 7–22.

59 Silva R. S. Pragmatics, bilingualism, and the native speaker / R. S. Silva // Language & Communication. – 2000. – P. 161–178.

60 Sullivan A. The Problem of Naturalizing Semantics / A. Sullivan // Language & Communication. – 2000. – P. 179–196.

61 Tang R. The ‘I’ in Identity: Exploring Writer Identity in Student Academic Writing Through the First Person Pronoun / R. Tang, S. John // English for Specific Purposes. – 1999. – P. 23–39.

ОТЗЫВ

на выпускную квалификационную работу
студентки Астайкиной Александры Михайловны
обучающейся по направлению 45.03.02 – Лингвистика (бакалавриат)
профиль подготовки Теория и методика преподавания иностранных языков и
культур
на тему «Механизмы когезии и когерентности в англоязычном научном
тексте»

Выпускная квалификационная (бакалаврская) работа «Механизмы когезии и когерентности в англоязычном научном тексте» представляет собой самостоятельное исследование, выполненное на значительном теоретическом и практическом материале и посвященное важной и актуальной теме. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящий момент для русскоязычных исследователей остро стоит необходимость диссеминации своего научного потенциала в зарубежных изданиях и, соответственно, в международном научном сообществе. В этой связи перед русскоязычными исследователями стоит задача написания качественных научных статей на английском языке. В рамках выполнения данной задачи категории когезии и когерентности играют одну из главнейших ролей, поскольку они являются важными категориями в теории текста. Также необходимо отметить, что механизмы когезии, применяемые в научном тексте на русском языке, могут значительно отличаться от механизмов когезии англоязычного научного дискурса.

А.М. Астайкина проявила высокую степень заинтересованности при написании работы, систематизировала и качественно изложила большой объем теоретического материала. Также выпускница самостоятельно разработала методологию исследования, проанализировав большое количество англоязычных научных статей различной тематики. Все механизмы когезии и когерентности, описанные в работе, были обнаружены и проанализированы Александрой Михайловной самостоятельно. Кроме того, она обнаружила и описала новые механизмы когезии и когерентности в научном дискурсе, не описанные ранее, и вывела актуальные выводы. Таким образом, уровень практической части работы очень высок, что, в свою очередь, говорит о высокой степени достоверности результатов исследования.

Избранная тема, а также осуществляемый подход к ее разработке, указывают на наличие полностью сформированных и устойчивых навыков в области научно-исследовательской деятельности, что нашло подтверждение как в результатах исследования, так и в тексте дипломной работы. В этой связи

особо стоит отметить высококачественный научный стиль изложения и высокий процент оригинальности работы (92,35%).

Работа отмечена высокой степенью самостоятельности, которая проявилась как в выборе теоретических источников, определивших основные положения исследования, так и в поисках материала и методике его анализа. С уверенностью можно сказать, что тема исследования раскрыта полностью. Результаты исследования свидетельствуют о высоком уровне лингвистической подготовки выпускницы и освоении ей соответствующего комплекса теоретических и практических знаний.

Недостатки выпускной работы А.М. Астайкиной отмечены не были. Работа соответствует всем требованиям, предъявляемым к сочинениям подобного рода, и может быть допущена к защите.

Научный руководитель
к.филол.н., доцент

И.В. Коровина

ОТЧЕТ
о результатах проверки работы обучающегося
на наличие заимствований

Ф.И.О. автора работы Астайкина Александра Михайловна

Тема работы Механизмы когезии и когерентности в англоязычном научном
тексте

Руководитель к.филол.н., доцент Коровина Ирина Валерьевна

Представленная работа прошла проверку на наличие заимствований в системе
«Антиплагиат.ВУЗ»

Результаты автоматической проверки: оригинальность 92,35 %
цитирования 2,96 %
заимствования 4,69 %

Результаты анализа полного отчета на наличие заимствований:

правомерные заимствования: да, 4,69%
да/нет, количество (%), обоснованность

корректные цитирования: да, 2,96%
да/нет, количество (%), обоснованность

неправомерные заимствования: нет
да/нет, количество (%), обоснованность

признаки обхода системы: нет
(да/нет, описание)

Общее заключение об итоговой оригинальности работы и возможности ее допуска
к защите:

Анализ полного отчета о проверке ВКР обучающегося на наличие заимствований
свидетельствует о том, что показатель оригинальности текста выше требуемого согласно
Положению о проверке работ обучающихся ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» на
наличие заимствований, утвержденному ученым советом университета (протокол №4 от
23.04.2018 г.), поэтому студент может быть допущен к предварительной защите и защите
ВКР в ГЭК.

Руководитель
Должность

02.06.2020

И. В. Коровина
канд. филол. наук, доц.

СПРАВКА

о результатах проверки текстового документа на наличие заимствований

Проверка выполнена в системе Антиплагиат.ВУЗ

Автор работы	КОРОВИНА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
Факультет, кафедра, номер группы	факультет иностранных языков, кафедра английской филологии, 402 группа
Тип работы	Выпускная квалификационная работа
Название работы	Астайкина АМ_ВКР
Название файла	ВКР Астайкина антиплагиат.docx
Процент заимствования	4,69%
Процент цитирования	2,96%
Процент оригинальности	92,36%
Дата проверки	16:48:41 04 июня 2020г.
Модули поиска	Модуль поиска перефразирований Интернет; Коллекция Гарант; Кольцо Вузов; Цитирования; Модуль поиска ИПС "Адилет"; Модуль поиска общепотребительных выражений; Коллекция Патенты; Модуль поиска перефразирований eLIBRARY.RU; Модуль поиска "МГУ им. Н. П. Огарева"; Коллекция Медицина; Модуль поиска Интернет; Коллекция eLIBRARY.RU; Модуль поиска переводных заимствований по интернет (EnRu); Модуль поиска переводных заимствований по elibrary (EnRu); Переводные заимствования; Коллекция РГБ; Сводная коллекция ЭБС; Модуль выделения библиографических записей
Работу проверил	КОРОВИНА ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ФИО проверяющего
Дата подписи	02.06.2020 Подпись проверяющего

